

**ПРИЗЕР
JUNIOR LIBRARY GUILD**

ШИВАН ВИВЪЕН

**ПОСЛЕДНИЕ
ПАРЕНЬ И ДЕВУШКА
НА ЗЕМЛЕ**

Бумажные города

Шиван Вивьен

**Последние парень
и девушка на Земле**

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

Вивьен Ш.

Последние парень и девушка на Земле / Ш. Вивьен — «РИПОЛ
Классик», 2016 — (Бумажные города)

ISBN 978-5-386-10540-2

Американская писательница Шиван Вивьен широко известна во всем мире благодаря бестселлеру «Список». Новый роман знаменитого автора – одна из самых трогательных, искренних и поразительных историй любви. Всего за несколько дней сильнейшее наводнение практически уничтожило небольшой городок Эбердин. Взрослые собирают вещи, чтобы навсегда уехать из города, в то время как их дети решают повеселиться и провести последние минуты с друзьями. Для шестнадцатилетней Кили главное – насладиться каждой минутой в Эбердине, пока его полностью не затопило. А еще признаться в своих чувствах парню, которого она всегда любила.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-10540-2

© Вивьен Ш., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Глава 1. Воскресенье, 8 мая	8
Глава 2. Понедельник, 9 мая	21
Глава 3. Среда, 11 мая	24
Глава 4. Четверг, 12 мая	26
Глава 5. Суббота, 14 мая	32
Глава 6. Суббота, 14 мая	41
Глава 7. Суббота, 14 мая	50
Глава 8. Воскресенье, 15 мая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Шиван Вивьен

Последние парень и девушка на Земле

The Last Boy and Girl in the World

Copyright © 2016 by Siobhan Vivian

Published by arrangement with Folio Literary

Management, LLC and Prava i Prevodi Literary Agency.

© Татищева Е. С, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

* * *

...Для Виви

Невозможно определить, что сейчас подо мной, над какой частью Эбердина я в эту минуту проплываю, но я все равно перегибаюсь через борт лодки и пытаюсь разглядеть хоть что-то из того, что осталось там, внизу. Может быть, белую беседку, что находилась напротив здания городского совета, ту самую, где поженились мои родители. Или детские качели, на противоположных концах которых мы с Морган, бывало, часами сидели летом после окончания восьмого класса и мечтали о том, как здорово нам будет в старших классах школы. Доска качелей была неподвижна, как скамейка в парке, потому что и она, и я весили одинаково – ровнехонько по сто два фунта. Увидеть бы сейчас ту обтрепанную мишуру из фольги, что висела на фонарных столбах на Главной улице круглый год и все же умудрялась блеснуть, когда включали праздничную подсветку. Сейчас я была бы рада разглядеть даже какой-нибудь долбаный паркомат. Потому что мне отчаянно хочется увидеть что-то настоящее, последний осязаемый предмет, находившийся в моем родном городе, которому я могу мысленно сказать «прощай навсегда» и передать те чувства, что сейчас владеют мною. Но я понятия не имею, над чем именно я сейчас нахожусь, потому что не могу разглядеть в мутной воде ничего, кроме своего собственного отражения.

– Поздравляю тебя, Кили.

Это говорит человек, который управляет спасательной лодкой, шериф Хемрик, а я и забыла, что он здесь.

Одной рукой он держит ручку лодочного электромотора, а другой бросает мне ветронепроницаемую куртку. Я вся дрожу как осиновый лист, так что надеваю ее сразу. На груди у нее красуется эмблема национальной гвардии, потому что Хемрик конечно же уже не шериф.

Наверное, потому, что я ничего не говорю в ответ, он резко продолжает:

– Официально считается, что ты последняя девушка, которая покинула Эбердин.

Я поворачиваюсь и смотрю вперед, пытаюсь разглядеть спасательную лодку, на которой везут последнего покинувшего Эбердин парня, но она затерялась в тумане.

Когда я оборачиваюсь, шериф буравит меня взглядом:

– Неужели это и впрямь того стоило?

Судя по его тону, он искренне хочет это знать. Он просто не понимает.

Не успеваю я ответить, как оживает его рация. Сквозь шумы я слышу, как отрывисто переговариваются его товарищи-полицейские. Они говорят на полицейском жаргоне, так что я могу разобрать лишь то, нас ждут две полицейские машины, чтобы увезти прочь. Шериф делает звук тише и пытается сбросить владеющее им напряжение – вращает шеей, хрустит пальцами.

– Теперь это уже не важно. Эбердин официально перестал существовать. Отныне всем надо двигаться вперед и жить дальше.

Я по-прежнему дрожу, но уже не от холода.

– Некоторые из нас не желают двигаться вперед.

Несколько дней назад на этой неделе я напечатала в поисковой строке свой адрес и не получила никакого ответа. Напечатала свой почтовый индекс, и опять ничего. Мне пришлось поехать в соседний город, Хиллздей, открыть карту и подвести курсор к тому району, где должен был находиться наш город. Туда, где были улицы, на которых жили мои друзья, находились бейсбольная площадка, кинотеатр. Но даже те места, которые еще не ушли под воду, были закрашены синим.

– Когда станешь старше, ты начнешь смотреть на это иначе, – говорит шериф, уверенный в своей правоте и готовый дать мне отпор.

Но тут его внимание привлекает какой-то скрежет. Он вырубает мотор и поднимает пропеллер из воды. На лопасти наматалась чья-то выброшенная за ненадобностью футболка, словно сделанная из хлопка медуза.

Пока шериф распутывает ее, я устремляю взгляд вдаль, надеясь, что он поймет намек и наконец замолчит. Туман частично рассеивается под легким морским ветерком, и я могу рассмотреть торчащие из воды треугольники – островерхие крыши самых высоких домов в долине. Теперь, когда плотина уже возведена, им недолго оставаться на поверхности. Я вглядываюсь в ближайший дом. Крыша, крытая блестящим шифером и украшенная белой фестончатой кровельной плиткой. В этой крыше есть что-то знакомое. И когда мы медленно проплываем мимо, кусочек головоломки вдруг встает на место, и я узнаю то, что скрыто под водой.

Еще не поздно.

Я вскакиваю с места, лодка накреняется, и шериф едва не опрокидывается за корму.

– Мне надо попасть туда! В этот дом!

– А ну сядь! – Шериф рывкает это так строго, что я немедленно подчиняюсь. – Ты и так уже провинилась, что, скажешь нет? – Он снимает свою бейсболку, выдыхает воздух и вытирает рукавом пот со лба. – Слушай, Кили, у меня больше нет прежнего влияния. Положение у меня уже не то. Если кто-нибудь будет тобой интересоваться – а это вполне вероятно, – я скажу, что ты хорошая девушка, просто упертая, так что...

Мое сердце начинает биться так быстро, что его удары, кажется, сливаются в один неясный гул.

– Шериф, ну пожалуйста! Пожалуйста! Потом меня уже никогда сюда не пустят, а если и пустят, его там уже не будет. – Я растягиваю губы в шутливой улыбке, надеясь умаслить его. – Неужели последняя девушка в Эбердине не заслуживает последнего маленького одолжения? – Прежде я умела хорошо играть эту роль. Но долго я не выдерживаю, и моя улыбка гаснет. Моя нижняя губа начинает дрожать, глаза наполняются слезами. – В этом доме жил человек, который очень много для меня значил, и сейчас я могу попасть туда в последний раз. – Я сглатываю стоящий в горле ком. – Я знаю, что должна отпустить прошлое и жить дальше, знаю, что все кончено, просто мне очень тяжело. – Я вытираю глаза. – Вы лучше, чем кто-либо другой, должны это понимать.

Шериф вдруг отводит глаза. Он больше не может смотреть на мои слезы. Он вздыхает, оглядывается по сторонам, чтобы удостовериться, что вокруг никого нет, и полностью выключает рацию:

– Ладно, давай, но никому об этом ни слова. И я не шучу.

Я тру глаза тыльной стороной руки и энергично киваю.

Шериф изменяет курс и подводит лодку к месту, на которое я указываю, осторожно пробираясь среди плавающего по поверхности воды барахла: диванных подушек, герметичных

пластиковых контейнеров, стульев из покинутых столовых, почтовых ящиков – остатков того, что раньше было чьей-то жизнью.

Когда мы подплываем вплотную к дому, я прижимаю руку к стеклу круглого оконца мансарды и заглядываю в спальню Морган в последний раз. Теперь эта комната, в которой мы так часто спали допоздна утром по субботам, наполовину заполнена темной водой.

Шериф Хемрик включает ручной фонарик и протягивает его мне:

– Ты ищешь что-то определенное?

Меня сотрясает такая дрожь, что луч фонарика, перепрыгивая с места на место, скользит по всей комнате, так и не попадая туда, куда я тшусь его направить. Я не отвечаю Хемрику, но да, я ищу что-то определенное, то, что принадлежит мне, – письмо, оставленное здесь специально для меня в герметично закрытом пакете со струнным замком, прикрепленным клейкой лентой к лопасти вентилятора на потолке комнаты моей лучшей подруги.

Двенадцатый класс должен был стать годом, когда я попрощаюсь с Эбердином, но попрощаюсь не навсегда. Я решила поступать в Бэрд, самый недорогой из колледжей нашего штата и к тому же находящийся всего в тридцати милях пути. Я собиралась приезжать домой на летние каникулы, в перерывах между семестрами, а может быть, иногда и на субботу и воскресенье, чтобы постирать свои вещи и увидеться с Морган и всеми теми друзьями, кого застану в городе. Само собой, это случилось бы, только если бы я получила стипендию и смогла платить за студенческое общежитие. Если же нет, я бы стала ездить туда и обратно на машине и проводить в своей старой спальне каждую ночь.

Поэтому мне, наверное, не стоит удивляться тому, как мне всего этого теперь не хватает. Не хватает даже тех вещей, которые злили меня до безумия. Например, красного сигнала светофора на Главной улице, первого и единственного светофора в нашем городке. Он всем казался совершенно лишним, ненужным, и большинство горожан спокойно на него проезжали. Но я готова поспорить, что, даже если в конце концов я поселюсь где-нибудь на другом конце земли, каждый раз, закрывая глаза, я буду видеть, как загорается этот красный свет, и у меня будет теплеть на душе.

Хотя эта весна и стала концом Эбердина, я всегда буду вспоминать ее, потому что тогда мне казалось, что она полна приятных моментов. И не только для меня, а для всех нас. Конечно, мир вокруг нас менялся, но менялись и мы сами и уже не могли делать вид, что это не так. Наверное, так получается, когда ты вдруг начинаешь жить со сверхсветовой скоростью, пытаешься брать от жизни по максимуму, прежде чем все, что тебе знакомо, скроется под водой.

Когда впервые полил этот дождь, мы так и не смогли увидеть главного. Мы даже не хотели его видеть. Пусть об этом беспокоятся наши родители. Нам было по шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет, и мы все были зациклены на куда более важных и волнительных вещах, таких, как подсчет дней, оставшихся до окончания занятий в школе. Мы с нетерпением ждали Весеннего бала и мечтали о новых платьях, в которых мы на него пойдём.

Когда бал наконец начался, все мои мысли были заняты только одним – как я буду целоваться с Джесси Фордом.

Глава 1. Воскресенье, 8 мая

Облачно, после полудня продолжительные проливные дожди, максимальная температура сорок девять градусов по Фаренгейту.

Раньше мне нравились дождливые дни. Я чувствовала себя так уютно, утопая в теплом мешковатом свитере, надевая на ноги толстые носки и резиновые сапоги. Прижимаясь к моей лучшей подруге, чтобы укрыться под ее слишком маленьким зонтом. Мне были по душе сонные, полные неясных грез дни, когда сквозь серые тучи не пробивался ни единый лучик солнца.

Но это было до того, когда в Эбердин пришла самая дождливая весна в истории метеонаблюдений. После трех недель непрерывных осадков я была готова плюнуть на выпускные экзамены и переехать жить в Сахару. Правда, дожди еще не достигли масштабов библейского потопа. В городе прошумели две-три сильные грозы, но не непрерывный поток муссонных ливней. В иные дни всего лишь накрапывал мелкий дождик, были и такие, когда просто моросило. Но все время было сыро и не по сезону холодно. Я была сыта по горло тем, что приходилось постоянно напяливать на себя по сто одежек. Надетое под джинсы термобелье, поддетые под доверху застегнутые рубашки футболки, а сверху еще и толстовки с капюшоном либо плотные колготки или легинсы, надетые под платья, а поверх всего этого для тепла еще и вязанные шерстяные жакеты. От всего этого я была похожа на раздутый бурдюк, а между тем ящики моего комода с зеркалом были доверху набиты аккуратно сложенными весенними вещами, которые мне до смерти хотелось наконец поносить. Собственно говоря, большинство девушек и ребят все еще ходили в школу в зимних куртках, хотя было уже начало мая. Лучшее из тех первых дней мне запомнилось именно это и владевшее тогда мною чувство, что что-то идет не так.

Так что было по-настоящему здорово, когда мы, члены закрытого клуба старших классов нашей школы, проснувшись поутру, увидели, что наконец выглянуло солнце и можно порадоваться ему, спускаясь к реке, чтобы укрепить ее берег мешками с песком. Особенно потому, что синоптики уже обещали на конец недели ряд сильных продолжительных бурь и предупредили, что они будут самыми мощными из всех, которые обрушивались на город до сих пор.

Вообще-то первое, что я увидела, открыв тем утром глаза, была радуга. Конечно, не настоящая, а изображенная на стикере, который я наклеила на нижнюю часть стеклянного абажура прикроватного светильника Морган миллион лет назад. Когда-то все в комнате Морган было обклеено стикерами: стены, зеркало, дверца ее шкафа. Потом постепенно она их отлепила, но от них остались липкие клеевые следы, как навсегда приклеившиеся тени. Но мой стикер с радугой она так и не нашла, и я была рада, что он / она все еще там.

Я оторвала голову от подушки. Морган уже принимала душ. Я подождала, пока она выключила воду, и только после этого вылезла из ее постели. Было слишком холодно и слишком рано, чтобы тратить время и силы на то, чтобы переодеться, и я продела лифчик под футболку, в которой спала, и постаралась удостовериться, что мои легинсы не слишком растянулись на попе и в них все еще можно появляться на людях. Затем я протянула руку к батарее, которая находилась с той стороны кровати, где спала Морган, сдернула один из сушившихся на ней носков и сжала его в кулаке. Он все еще был немного сыроват, хотя всю ночь жарился на горячих секциях радиатора.

В комнату торопливо вошла Морган в бюстгальтере и трусиках, с полотенцем на волосах. С тех пор как ее родители развелись и отец съехал из дома, она перестала надевать свой банный халат. А может быть, она отказалась от него с тех пор, как начала кадрить парней, но точно я этого не знала.

– Я позаимствую у тебя сухие носки, ладно? – И я опустилась на колени рядом с ее корзиной для белья.

Морган, дрожа, натянула джинсы.

– Хочешь, я дам тебе еще одну рубашку? – спросила она, вытаскивая из ящика комода белую терморуашку с узором из крошечных желтых розочек и протягивая ее мне.

Я покачала головой:

– У меня есть теплая толстовка с капюшоном. А когда мы начнем работать, мы наверняка вспотеем.

Я с нетерпением ждала, когда мы окажемся на открытом воздухе и наконец согреемся.

Морган надела терморуашку и уселась за свой письменный стол, предназначенный больше для накладывания макияжа и укладки волос, чем для изучения школьных наук и выполнения домашних заданий. Она сняла с головы полотенце. Ее шевелюра была такой темно-русой, что в мокром виде казалась черной, и она, едва проведя по ней расческой, закрутила ее на макушке в конский хвост. Волосы у подружки были такие густые, что ей приходилось использовать целых три резинки, чтобы хвост не рассыпался, и, насколько мне было известно, в середине он не высохнет даже к следующему утру. Затем Морган откинулась на спинку стула и несколько секунд молчаливо разглядывала свое отражение в зеркале. Заметив, что я на нее смотрю, она хихикнула:

– Думаю, в том, что мой бывший парень живет в другом городе, есть свой плюс – по крайней мере, мне не приходится беспокоиться о том, что я случайно столкнусь с ним здесь, в Эбердине.

Не вставая с колен, я подползла к ее стулу, положила голову ей на колени и медовым голосом сказала:

– Будем надеяться, что он в скором времени отойдет в мир иной, и тогда тебе вообще не придется беспокоиться о том, что он случайно попадет тебе на глаза! Тебе следовало бы попробовать помолиться, чтобы он скорее очутился, когда ты в следующий раз пойдешь в церковь.

Морган шумно втянула ртом воздух и толкнула меня в плечи, так что я, упав навзничь, растянулась на ковре.

– О господи, Кили! Даже думать об этом грешно! Как ты вообще можешь говорить подобные вещи?

Но при этом она смеялась, потому что знала, что я шучу. Я вечно говорила что-нибудь ужасное в этом духе и иногда заходила слишком далеко. Зайти слишком далеко было для меня обычным делом.

Я замахала руками и ногами, как перевернутая на спину черепаха:

– Для этого и нужны лучшие друзья!

Когда Морган потянула меня за руки, помогая мне встать, на лице ее играла чуть заметная улыбка.

– Я пошлю Элизе сообщение, что мы скоро придем.

Пока она была занята, я вытянула из корзины для белья один персиковый носок в сиреневую полоску, но, сколько ни копалась, не смогла отыскать второй. Я подошла к комоду и выдвинула верхний ящик.

Мне пришлось немного порыться, прежде чем я его отыскала. Он лежал под мягкой игрушкой – пухлым цыпленком, держащим между крыльев приклеенное пластмассовое яйцо. Внутри этого яйца когда-то было шоколадное сердечко. Морган отдала мне половину его, когда мы возвращались на машине домой после того, как провели пасхальные выходные с Уэсом. Оно было сделано из моего любимого молочного шоколада с хрустящим рисом. Мы ели шоколад и ехали домой, поместив пухлого цыпленка на приборную доску, и его выпученные глаза тарасились на нас, когда мы подсказывали на ухабах.

Уэс вечно засыпал Морган маленькими подарками, он дарил ей дурацкие поздравительные открытки, шелковые розы, брелоки для ключей, духи, конфеты. По словам Элизы, это значило, что из него может выйти отличный бой-френд, хотя он вряд ли платил за что-либо

из всех этих безделушек из собственного кармана, поскольку его родители держали аптечный магазинчик, торгующий безрецептурными лекарствами, косметикой, открытками, журналами, сладостями и прочими мелочами. Перед тем как с ним расплесть, Морган разложила его подарки по видным местам своей спальни. Когда они исчезли, я предположила, что она их выбросила, но сейчас увидела, что все они хранятся здесь, засунутые в верхний ящик ее комода. Я долго смотрела на них, пока Морган не отложила свой мобильный в сторону. Тогда я быстро задвинула ящик на место.

– Тебе не кажется, что это перестраховка? – спросила Морган, шаря под кроватью в поисках своих резиновых сапог. Я не могла бы с уверенностью сказать, видела ли она, что я заглянула в ее ящик, или нет. Как бы то ни было, я не собиралась об этом говорить. – Я хочу сказать... обещают, что это будет совершенно жуткая буря, но, по-моему, со стороны Ливая просить членов нашего клуба выйти на работу в воскресенье, чтобы укладывать мешки с песком, это просто идиотизм.

Эта мысль приходила в голову и мне. Каждую весну река выходила из берегов по несколько раз, но это никогда не приводило к катастрофическим последствиям, тем более что сейчас дожди уже пошли на спад. Те горожане, которые жили ближе всего к реке, знали, что, когда надвигается буря, надо принять меры предосторожности: парковать машины на возвышенностях, заносить в дома из внутренних дворики садовую мебель. Все это было скорее муторно, чем опасно.

– Верно, – согласилась я. – Более того, Ливай нас *вовсе не попросил*. На самом деле он *потребовал*, чтобы мы пришли укладывать мешки с песком. Я бы послала его куда подальше, если бы не была уверена, что он выкинет меня из клуба за неподчинение или сделает мне еще какую-нибудь пакость.

В старших классах нашей школы было не так-то много клубов, так что в приложениях к моему заявлению на поступление в колледж мне надо было указать, что я член закрытого клуба старшеклассников. Я даже подумывала о том, чтобы в следующем году баллотироваться в его президенты, потому что в школе мой консультант по послешкольному обучению сказал мне, что приемные комиссии стремятся отдавать предпочтение тем абитуриентам, которые в школьной иерархии занимали руководящие позиции, а не тем, кто просто перечисляет в своих заявлениях на прием, в каких сферах жизни школы он принимал участие.

– Этот может, – сказала Морган, презрительно кривя губы. – Он конченный засранец.

– Знаешь, давай смотреть на вещи под таким углом зрения: если река все-таки разольется, мы как-никак сделаем все, что можем, чтобы спасти то прибрежное имущество наших предков, которое раньше или позже перейдет к нам по наследству.

Морган повернулась ко мне, усмехаясь моей шутке:

– Пройдет всего тридцать два дня, и мы будем официально считаться учениками выпускного класса.

– Еще тридцать два дня, – повторила я, также, как и она, не находя себе места от предвкушения и восторга.

В эту минуту мне казалось, что помешать нам с Морган классно провести вместе еще одно лето может только Уэс. Но пусть она и прятала подаренные им дрянные безделушки в ящике своего комода, он, слава богу, по-прежнему считался ее бывшим.

* * *

Когда-то давным-давно Эбердин был в основном загородным местечком, где любили проводить отпуска богатые обитатели Уотерфорд-Сити, города, стоящего на тридцать миль ниже по течению реки. Здесь стояли бревенчатые хижины и летние домики и росли сосновые рощи. Летом отдыхающие плавали в реке, а зимой катались на коньках по ее льду. У моего отца

даже сохранилась старая коллекционная открытка, на которой изображены люди в старомодных купальных костюмах, сидящие на нашем живописном пляже на матерчатых шезлонгах под полосатыми солнечными зонтами.

Теперь, сто лет спустя, ученики последнего, двенадцатого класса эбердинской средней школы по-прежнему купались в том самом месте, куда в прежние времена съезжались туристы и где плоский берег был гладок и широк, словно океанский пляж, и усыпан таким же белым, сверкающим на солнце песком. Это было не единственное место в Эбердине, где можно было поплавать, но оно считалось самым лучшим. Правда, теперь оно уже не казалось таким идеальным, каким было на старой открытке, потому что в наши дни конец пляжа перегораживала давно заброшенная лесопилка.

Пляж для одиннадцатиклассников, на котором я прошлым летом проводила почти каждый день, находился на четверть мили выше по течению. Пляж здесь состоял не из одного песка, как тот, где резвились двенадцатиклассники, – к здешнему песку примешивались земля и сосновые иголки, так что загорать можно было, только подстелив под себя одеяло, но в общем-то и тут было неплохо. С нависающей над водой толстой ветки наклонившегося дерева свисала веревочная тарзанка. Не знаю, кто ее там повесил, но нам казалось, что она была здесь всегда.

Прошлым летом мало кто из наших девчонок решался ее опробовать. Они боялись, что канат лопнет или что бюстгальтеры их купальников будут слетать в момент удара о воду. Но я, прокатившись на тарзанке в первый солнечный день, все-таки поняла, в чем ее секрет. Я вычислила, за какие узлы надо держаться руками и когда именно нужно спрыгивать, чтобы попасть на самое глубокое место в реке, где вода холоднее всего. Я даже взяла в привычку выкрикивать при этом какую-нибудь глупость, чтобы всякий раз, когда я буду плюхаться в воду, все смеялись. Как в тот раз, когда я завопила: «Запирает жидкость на замок!», потому что Элиза только что призналась нам, что как-то раз, плавая в перерыве выездного церковного собрания, воспользовалась сразу и тампоном и гигиенической прокладкой, потому что боялась, что в воде будут заметна кровь. В тот день остальные девушки так и не поняли, о чем это я, но все равно засмеялись, а парни только покачали головами и застонали. Они никогда не знали, чего от меня ждать.

Десятиклассники и девятиклассники купались еще выше по реке, рядом с эстакадой, проходящей над скоростным шоссе. Прежде чем расстелить свои полотенца, им приходилось выпалывать растущие там сорняки и расчищать место от всякого мусора, который выбрасывали из мчащихся мимо машин. Так что там было очень хреново, да к тому же у берега там росли покрытые слизью камыши и прочая дрянь, которая противно касалась твоего тела, когда ты проплывал мимо нее.

Как бы то ни было, именно туда нам велели идти, чтобы укреплять берег с помощью мешков с песком.

Морган припарковала свою машину возле эстакады, и мы вслед за толпой остальных школьников направились туда, где нас поджидали два самосвала, полные мешков с песком, и группа прибывавших волонтеров. По-видимому, кроме нас, членов закрытого клуба старшеклассников, на помощь позвали и других школьников. Были здесь и взрослые – родители учеников, свободные от патрулирования полицейские, мистер Гантер, который учил меня, когда я ходила во второй класс. Явился даже сам мэр, мистер Аверсано, причем вырядился он в белую рубашку из тех, что носят под костюм и галстук, и строгие парадные брюки и потому выглядел как законченный идиот. Правда, ему хватило ума вместо парадных туфель обуться в рабочие сапоги, но я все равно насмешливо закатила глаза.

Ровно в семь тридцать шериф Хемрик залез в кузов самосвала, щелчком включил свой мегафон и попросил всех собраться вокруг. Потом он протянул руку мэру, и праздничные брюки Аверсано опасно натянулись на заднице, когда он лез вверх. Мэр взял у шерифа мегафон

и заговорил, но его никто не услышал, и Хемрику пришлось наклониться и показать мэру, какой тумблер включить, чтобы эта штука заработала.

Я расхохоталась. Громко, во все горло. Морган рукой закрыла мне рот.

– Я благодарю вас всех за то, что сегодня вы все-таки пришли сюда. Само собой, мы надеемся, что прогноз погоды не оправдается, как это и бывает в девяноста восьми случаях из ста.

Несколько взрослых усмехнулись этой неудачной шутке. Я помню, о чем я тогда подумала: я сказала себе, что надеюсь никогда не превратиться в человека, который воображает, будто шутки о погоде могут быть смешными.

Мэр Аверсано все говорил, причем тон его был полон фальшивой тревоги за благополучие вверенных его попечению горожан. Первым, кто обратил мое внимание на эту его склонность к фальши и нарочитой драматизации, был мой отец, после того как мэр объявил о своем бюджете для Эбердина на будущий финансовый год, сказав, что «вынужден» урезать все расходы, которые считает «второстепенными» (именно эти слова он использовал, чтобы подчеркнуть основные положения своей брехни). С этих самых пор я и стала замечать в его выступлениях такую же драматическую фальшь, как в тех самодеятельных спектаклях, которые мы ставили в школе.

– ...но мы должны подготовиться на тот случай, если прогнозы все же окажутся верными, и сделать все, что в наших силах, чтобы защитить наших граждан от возможного ущерба. Я передаю слово шерифу Хемрику, чтобы он объяснил вам, что именно мы будем сегодня делать.

Морган и Элиза наклонили головы друг к другу.

– Я просто не могу поверить, что он тебе до сих пор не позвонил, – прошептала Элиза. – Ведь прошло уже две недели, верно?

– Да, почти, – также шепотом ответила Морган.

– Должно быть, это в нем говорит гордость. Может, он ждет, чтобы первой позвонила ты? И, чтобы ободрить подругу, Элиза слегка сжала пальцами ее густой конский хвост.

Я втиснулась между ними и схватила их за руки:

– Давайте пойдем на пляж для двенадцатиклассников. Он все равно уже почти наш. А то это место вызывает во мне воспоминания о том, как в девятом классе мои розовые трусы от купальника вечно врезались мне между ягодицами.

– Но ведь шериф еще не кончил давать инструкции, – возразила Элиза. – Как же мы узнаем, что нам надо делать?

– А чего тут знать? – засмеялась я, увлекая ее за собой. – Берешь мешок с песком, передаешь следующему в цепочке и так далее.

Меня бесило, как часто Элиза поминает Уэса после того, как они с Морган расстались. Я, конечно, понимала, что она хочет как лучше, но зачем беречь рану, которая уже начала заживать?

Думаю, Морган сейчас разозлилась, вспомнив, что я тоже часто вмешиваюсь в эту историю с Уэсом, потому что она вдруг отошла немного вперед от Элизы и меня и сменила тему разговора.

– Надо же, – сказала она, показывая на реку, когда мы вышли на то место, где обычно купались одиннадцатиклассники. – Выглядит как молочный-шоколадный коктейль.

Обычно вода в реке была чистой. Не кристальной, конечно, но почти прозрачной. Но предыдущие бури здорово взбаламутили ее, и теперь она стояла так высоко и была такой мутной, что погруженного в нее конца каната с тарзанкой не было видно. Течение туго натянуло его, как леску, на другом конце которой на крючке бился дельфин.

– Ну, хорошо, ладно, может быть, мешки с песком все-таки неплохая идея.

Я застегнула молнию на своей толстовке до самого подбородка, подняла капюшон и засунула руки в карманы, чтобы они не мерзли. Выглянувшее было утром солнце снова пропало,

и затянутое низкими давящими тучами небо было похоже на нависший над головой потолок подвала.

Мы дошли до пляжа, принадлежащего двенадцатиклассникам. Навстречу нам вышла еще одна группа волонтеров. Потом все рассредоточились. Я уселась на выступающий из песка камень и широко зевнула.

– Кили, – шепотом позвала меня Морган.

Я решила не обращать на нее внимания. Наверное, она просто призывает меня встать, и, по всей вероятности, мне и впрямь следовало бы встать, если я действительно хочу выглядеть как человек, который в следующем году должен быть избран на пост председателя закрытого клуба старшекласников. Но я здорово устала, ведь обычно по воскресеньям мы с Морган спали до обеда. А тут еще эта гнетущая погода.

Но Морган не отстала. Она встала на колени рядом со мной и едва ли не всунула голову в мой капюшон.

– Тебе что-то нужно? – спросила я.

Прижавшись кончиком носа к моему, Морган прошептала:

– Посмотри налево.

Я повернула голову.

И увидела Джесси Форда.

Он стоял ко мне спиной, но я все равно его узнала, потому что у Джесси Форда были самые густые и красивые белокурые волнистые волосы во всей школе, и они всегда смотрелись так, будто их никогда не касался гребень. Спереди они были длинные и свисали почти до подбородка, и он, пользуясь тем, что они от природы завиваются, заправлял их за уши. Так он и причесывался, кроме тех случаев, когда они с ребятами играли в футбол. Тогда он утаскивал с какого-нибудь учительского стола резинку и стягивал свою шевелюру в короткий хохолок на макушке, похожий на маленький узелок, который носят девочки. Насколько мне известно, только самые крутые и уверенные в себе парни могут позволить себе носить прическу вроде этой, и притом выглядеть на все сто. Но Джесси Форда можно было смело зачислить в это ничтожное по численности меньшинство. По правде сказать, когда он собирал свои волосы в этот, почти женский хохолок, они – ну что я за извращенка – нравились мне больше всего, потому что так миллионы разных оттенков его белокурых прядей были видны лучше всего. У меня волосы тоже светлые, но они все одного цвета – бледно-желтые, как пачка сливочного масла, а у Джесси они словно окрашены в различные оттенки разноцветными восковыми мелками. Например, некоторые пряди такие же золотистые, как корочки кукурузных маффинов в школьном кафе, другие похожи цветом на сосновую смолу, а некоторые кажутся ярко-белыми, как песок, что сыпался в тот день из прорех в выданных нам мешках.

Морган быстро сдернула с моей головы капюшон и взъерошила мне волосы, вытащив несколько прядей из короткого хвостика, который я носила на затылке, так что они рассыпались. Потом она слегка расстегнула молнию моей толстовки и засучила ее рукава до локтей. Отступив на шаг, она улыбнулась, довольная полученным эффектом, затем сделала мне знак встать.

Я встала, но только на секунду, потому что, едва оказавшись на ногах, тут же сделала вид, что от счастья лишилась чувств и упала в прямо в крепкие объятия Морган, поскольку точно знала, что она меня сразу же подхватит и что Джесси все еще стоит ко мне спиной. Морган лишь с трудом помогла мне удержаться на ногах, и мы обе расхохотались как безумные.

– Над чем это вы смеетесь? – спросила Элиза, стоявшая чуть поодаль.

Морган оттолкнула меня от себя, и ее щеки зарделись как маков цвет. Ей было неважно, что в неловкое положение поставила себя не она, а я, потому что Морган всегда краснела за других. Она повернулась к Элизе и тихо сказала:

– Ни над чем. Просто Кили есть Кили, она, как всегда, в своем репертуаре.

Я беззаботно смотрела, как Джесси и еще несколько парней из школьной футбольной команды гоняют по пляжу пустую бутылку из-под «Ред Булла». Видимо, ребят тоже попросили поучаствовать в укреплении берега. Где-то минут через пятнадцать болтовня сошла на нет, и по человеческой цепи начали поступать первые мешки с песком.

Передавая мне первый мешок, Джесс посмотрел на меня, и на лице его мелькнула улыбка. Эбердинская средняя школа была невелика, каждый класс состоял где-то из пятидесяти учеников. В прошлом году мы с Джесси посещали один и тот же продвинутый курс испанского, но мы тогда ни разу так и не поговорили. Во всяком случае, по-английски. Я даже не смогла бы сказать, узнал ли он меня или же он улыбнулся просто потому, что уж его-то знали все.

Первые полчаса все волонтеры работали в томительном молчании.

– Как ты думаешь, мы уже почти закончили? – шепотом спросила я, перекладывая в руки Морган очередной мешок с песком.

Первые несколько мешков показались нам довольно легкими, но я могла поклясться, что с каждым разом они становились все тяжелее и тяжелее.

– Не смеши меня, Кили, – пыхтя, ответила Морган, поворачиваясь к Элизе и передавая ей свой мешок. – У меня уже болят все мышцы живота.

Я шумно втянула ртом воздух.

– О, господи, а что, если мы с тобой сейчас настолько не в форме, что под конец этой работы так накачаем себе абдоминальную мускулатуру, что станем похожими на двух культуристок?

– Эй, поберегись!

Я резко повернулась к Джесси, который как раз в эту минуту бросал в мои, никак не ожидающие этого броска руки свой мешок с песком. Я завизжала и отскочила в сторону, потому что, если бы эта глыба приземлилась мне на ноги, она бы меня убила. Все вокруг с любопытством повернулись в нашу сторону.

Но мешок с песком так и не приземлился на мои ноги.

Он вообще не должен был упасть, потому что Джесси, все время держа его в руках, в последний момент так его и не кинул – это был великолепный ложный проброс.

Парень схватился за живот, смеясь над моими резким отскоком, и я, чувствуя себя дурой, снова встала в строй. Но потом, снова посмотрев на меня, Джесси вдруг взял и подмигнул. И я поняла, что он вовсе надо мной не насмехается, а просто поддразнивает меня.

Между первым и вторым есть большая разница.

– Тридцать три ха-ха! – это первое, что пришло мне в голову. Я выдавила эти слова тоном раздосадованной старшей сестры, но сердце мое пело от счастья.

Я перебрала по цепи еще несколько мешков с песком, все еще потрясенная тем, что Джесси и я в конце концов все-таки пообщались. Потом Морган вздернула бровь и почти беззвучно сказала:

– *Да поговори же ты с ним!*

Я перебрала в уме добрую сотню шуточных фраз, с которых девушки обычно начинают флирт и которым Элиза много раз учила Морган, чтобы та сказала их Уэсу или тем парням, которые нравились Морган до него. Но я понимала, что в моих устах, из которых все время сыпались только глупые шутки, любая такая фраза прозвучала бы как тошнотворная замена откровенной мольбы: *«Привет, Джесси Форд! Пожалуйста, поговори со мной, потому что я всегда тебя любила»*.

Но через несколько минут, когда Джесси повернулся в мою сторону, чтобы передать мне еще один мешок с песком, меня вдруг осенило. Я достала из кармана толстовки мобильник и сделала вид, что отправляю кому-то сообщение.

– Извини, – пробубнила я, подняв руку. – Это займет всего несколько секунд.

Такая тактика заставила Джесси подержать свой мешок, пока я не закончу. Он, конечно, понял, что я шучу, но, не поведя и бровью, подыграл мне. Он кряхтел, как будто продолжать держать в руках этот мешок ему было нелегко, но думаю, ему было приятно продемонстрировать всем и каждому, какой он сильный.

Все остальные ребята из футбольной команды были ужасно тощими и костлявыми, пожалуй, хуже, чем большинство наших девочек. Но только не Джесси. Я точно знала, что у него на животе видны настоящие кубики из мускулов, потому что он имел потрясную привычку снимать после матча свою пропитанную потом футболку и перекидывать ее через плечо. Поэтому-то я никогда и не пропускала игр, которые наша команда по футболу проводила на своем поле.

Наша небольшая комедия привлекла внимание Ливая Хемрика, который был сыном шерифа и председателем нашего клуба. Он прошел мимо, сердито глядя на нас поверх мегафона, одолженного им у отца, и резко бросил:

– Поторопитесь!

Я очень обиделась. Ладно, пусть своей шуткой я немного затормозила работу, но я же все время трудилась изо всех сил, и если бы не адреналин, который вливала в мою кровь близость Джесси Форда, от моих усталых рук было бы сейчас толку не больше, чем от парочки переваренных макарон.

Джесси наклонился к моему лицу. Теперь он был так близко, что я ощутила запах оладий, которые он съел на завтрак. Так близко, что я смогла разглядеть три веснушки, образующие совершенно прямую линию на мочке его уха.

– По-моему, Ливай Хемрик от тебя без ума, – сказал он.

– Фу!

– Нет, я серьезно. Кажется, он прошел мимо уже третий раз, чтобы посмотреть, как у тебя дела. Так что лови момент. Вперед и с песней! Закадрить его – это большая удача. Ведь перед вами... – Джесси прочистил горло и заговорил нарочито бодрым слащавым голосом телеведущего: – *Друзья, Сейчас Перед Вами Парень, Который Далеко Пойдет!*

«Парень, который далеко пойдет» – так была озаглавлена статья, напечатанная в номере местной газеты, вышедшем неделю назад вместе с фотографией Ливая, держащего в руках множество толстых конвертов, точно огромную колоду карт. Он получил приглашения от всех колледжей, в которые подал документы на прием, что конечно же абсолютно никого не удивило. Ливай даже обедал в библиотеке. Он выходил победителем на научном конкурсе четыре года подряд. Его имя всегда стояло в первой строчке списка отличников. Он набрал больше всех баллов, когда выпускной класс сдавал академический оценочный тест. Ливай не занимался ничем, кроме учебы, и у него, похоже, не было настоящих друзей, только знакомые ботаны вроде него самого, потому что в субботу или воскресенье я ни разу ни с кем не видела его в кино, и его никогда не было видно на трибуне стадиона, когда наши спортивные команды играли на своем поле. Единственным местом, где он постоянно ошивался, была площадка перед полицейским участком, где на складных металлических стульях, расставленных вокруг открытого помещения для патрульных автомобилей, сидели полицейские, ожидающие вызова или окончания смены. Ливай был тогда ни дать ни взять начинающий коп, проходящий практику среди своих старших товарищей.

Статья о нем представляла интерес только из-за глупости, которую он в ней сморозил. Репортер спросил его, к какому учебному заведению лежит его душа, на что он ответил:

– Вероятно, к тому, что находится отсюда дальше всего.

Легко себе представить, что многим парням и девушкам такой ответ пришелся не по вкусу. Эбердин отнюдь не был престижным местом, в котором перед выпускниками постоянно открывались радужные перспективы и представлялись возможности сделать хорошую карьеру. Я собственными ушами слышала, как кто-то ругал Ливая в коридоре на все корки, причем тот выглядел так, будто ему явно невдомек за что. Зуб даю, что, по его мнению, если он честно

сказал, что думал, то его слова никак не могли никого оскорбить. По правде сказать, я думаю, что никто и не оскорбился. Просто он наконец всем дал неопровержимое доказательство того, о чем они и так уже втайне догадывались: Ливай Хемрик всего лишь надутый осел. Что касается меня, то я твердо знала это уже очень давно, потому что именно из-за Ливая Хемрика я в девятом классе бросила участвовать в работе школьной модели Конгресса. Это было единственное черное пятно в моем во всех остальных отношениях безупречном табеле школьной успеваемости.

Я наклонилась к Джесси и, прикрывая рот сложенными трубочкой руками, прошептала:

– Нет, Ливай Хемрик на меня не запал. – Я уже начинала сомневаться, стоит ли откалывать шутку, которая только что пришла мне на ум, но она сорвалась с моего языка сама собой: – Член у него стоит, только когда он зубрит правила. Зуб даю, что он всякий раз дробит, корпя над сборником школьных норм.

Джесси попятился, и на лице его отразились разом шок и ликование. Как будто, хотя мы болтали с ним уже несколько минут, он увидел меня в первый раз только сейчас. Как будто я вдруг материализовалась перед его глазами из ниоткуда.

Меня словно ударило током.

Первый удар грома грянул как раз тогда, когда с самосвала сгрузили последний мешок с песком. Все бросились врассыпную. Я подумала, что, может быть, Джесси скажет мне до свидания, но так и не нашла его глазами во вдруг случившейся толчее, а нарочно стоять столбом, как будто я навязываюсь, мне не хотелось. По правде сказать, я все-таки немножко задержалась на пляже, но Элиза и Морган успели проголодаться, и мы все трое, вконец измотанные, с ноющими мышцами, торопливо двинулись обратно, идя вверх по берегу к тому месту, где Морган оставила свою машину.

* * *

Я уже наполовину открыла пассажирскую дверь, когда сзади мои бедра стиснули чьи-то руки. Я вздрогнула, потому что ужасно боюсь щекотки, а также от удивления, ведь это Джесси Форд сейчас касался моего тела. Он вырвал из моей руки телефон, я попыталась отобрать его у него, но при этом не слишком старалась, потому что, хотя за всю свою жизнь мне довелось целоваться только с двумя парнями, я вовсе не была полной лохушкой.

Удерживая меня на расстоянии вытянутой руки, Джесси другой рукой набрал на моем телефоне номер своего мобильного и послал сообщение с моего номера на свой, так что в его телефоне остался номер моего. После этого он подмигнул мне, отдал обратно мой мобильный и устало поплелся прочь, чтобы догнать своих друзей.

Я просмотрела якобы написанные от моего имени сообщения. Он написал: «Джесси, ты, бесспорно, самый симпатичный и сексуальный парень во всем выпускном классе. А еще ты обаятелен, остроумен и добр к маленьким зверькам. Прошу тебя, пожалуйста, пусть именно я рожу тебе всех твоих детей».

Чтобы не упасть, я прислонилась к машине Морган и попыталась перевести дух.

– Что ты там прочитала? – спросила Элиза, вопросительно подняв бровь и залезая в машину.

– Ничего особенного, – как ни в чем не бывало ответила я. – Просто Джесси хочет меня кое о чем попросить.

Морган между тем опустила зеркало заднего вида в своей машине и повернула его так, чтобы в нем отразилось то, что происходило на заднем сиденье.

– Кстати, Элиза, я тебе уже рассказывала, как... – Тут я попыталась закрыть Морган рот рукой, потому что знала, что она собирается сейчас выболтать. – Так вот, в младших классах

средней школы Кили все время просила меня разыгрывать перед ней роль Джесси Форда. Она разработала эту сцену в мелочах: придумала и диалоги, и костюмы, да и все вообще.

Элиза подалась вперед, так что ее голова оказалась между двумя передними сиденьями, на том же уровне, что и наши.

– Хм, а почему я слышу об этом только сейчас?

Морган посмотрела на меня, так крепко сжав губы, что казалось, еще чуть-чуть, и она лопнет. Хотя ей ужасно хотелось рассказать Элизе все подробности, но без моего разрешения она не стала бы этого делать. Все-таки она была достаточно хорошей подругой.

Но меня не пугало, что Элиза все узнает. Я больше не была заиклена на своей влюбленности в Джесси Форда, теперь она уже не жгла и не мучила меня постоянно, как прежде. Может быть, так было с шестого по девятый класс, но, наверное, это объяснялось первым приливом в мою кровь половых гормонов. После того как я перешла в среднюю школу, мое увлечение Джесси превратилось в чувство, гораздо более спокойное, во что-то такое, о чем я вспоминала лишь тогда, когда отмечала про себя, как сексуально он сегодня выглядит, или, проходя по школьному коридору мимо хорошенькой девчонки, с которой он в это время целовался, на мгновение мысленно желала, чтобы на ее месте была я. Потому что к этому времени я уже достаточно повзрослела, чтобы понимать, что Джесси никогда не будет моим.

Я утвердительно кивнула Морган, и она тут же без промедления все выложила:

– Кили просила, чтобы я рисовала себе усы, вставляла на одно колено и, протягивая ей игрушечное пластиковое кольцо с карамелькой вместо бриллианта, просила ее выйти за меня замуж.

Я сразу же поспешила уточнить:

– Имей в виду, Элиза, это было еще в младших классах неполной средней школы, задолго до того, как у нас двоих выросли груди.

Я сказала это, потому что Элиза иногда с невинным видом замечала, как я люблю *весело проводить время и какая я беззаботная*, что было всего лишь вежливым синонимом слова *незрелая*. И быть может, она до сих пор считала, будто я по-прежнему веду себя подобным образом.

Я шлепнула Морган по руке:

– Твоя игра тогда была просто отстой.

– Да как у тебя язык поворачивается говорить мне такое? – возмутилась подруга.

Повернувшись к Элизе, я пояснила:

– Она играла без вдохновения. Мне приходилось то и дело напоминать ей, чтобы она говорила низким голосом.

– Ну, извини, просто я не такая великая актриса, как ты!

– Ладно, проехали. Что касается меня, то я выжимала из своей роли все. Моя любовь к Джесси искупала твою ужасную игру.

Морган так захохотала, что едва смогла выжать из себя свой следующий вопрос:

– Погоди-ка! А ну, повтори еще раз, как там звали твоих троих детей?

– Джесси-младший, Джейми и... – это имя мы с ней произнесли хором, – малютка Джульет.

Элиза снова откинулась на спинку заднего сиденья и заколола упавшие на глаза волосы заколкой-невидимкой. Она начала отрачивать свою челку еще с Рождества. Она тоже рассмеялась, но больше из вежливости и уважения к дружбе, которая связывала меня с Морган еще до того, как к нам присоединилась она.

Она выросла в Хиллздейле, там, где находится церковь Святой Анны. Морган знала ее еще по подростковой группе в воскресной школе.

Я помню, как впервые познакомилась с ней на церковном пикнике, на который Морган затащила меня, еще когда мы обе учились в седьмом классе. Морган все время твердила мне,

как мы с Элизой похожи и как много у нас общего. Я восприняла это как дань нашей с Морган дружбе. Раз уж ей захотелось завести еще одну подругу, она выберет такую, которая во всем похожа на меня, свою Кили. И я вообразила, что Элиза – это более милая, добрая и богомольная версия меня самой.

На первый взгляд она и показалась мне именно такой. Элиза выглядела тоненькой, хрупкой, у нее были короткие, немного длиннее подбородка, русые волосы, и в ямке между ее ключицами красовался серебряный крестик. Не знаю, удивилась ли она тому, что Морган привела на пикник меня, потому что незанятым у нее оставался только один стул. Она встала, предложила оба стула Морган и мне, а сама уселась на траву у наших ног. Я по достоинству оценила такое уважение к гостям.

Но может быть, тогда она просто-напросто меня испугалась. Помнится, я в тот день наговорила ей кучу непристойностей, чтобы выглядеть остроумной, строила предложения, используя одни лишь бранные слова, скабрёзно шутила, да и вообще... Морган нервно смеялась и все повторяла: «Не бери в голову, она шутит, шутит», на что Элиза, выдавливая из себя улыбку, вежливо отвечала: «Да, конечно, я понимаю».

Мы стояли в очереди за хот-догами, когда Элиза показала нам парня в зеркальных очках, с челкой до самых глаз, игравшего на гитаре, аккомпанируя пастору, который пел песню об Иисусе. Она наклонилась к нам и сказала:

– Я была совершенно без ума от этого чувака, но оказалось, что из всех чуваков на земном шарике он целуется хуже всех. – Сказав это, она высунула язык и покрутила им как в судорожном припадке, а потом состроила такую рожу, будто сейчас ее вырвет. – Теперь он даже не кажется мне симпатичным. Он вроде как с душком.

Ни Морган, ни я еще никогда ни с кем не целовались по-взрослому, открыв рот и работая языком. Мы все еще понарошку играли в жениха и невесту, когда оставались одни у Морган в доме.

– Она не обжимается с каждым встречным, она не такая, – шепотом сказала мне Морган, как будто читая мои мысли, когда мы возвращались в машине Элизы домой. – Просто она... ну... в общем, она не из тех, кто стесняется парней. – Не то что ты! – добавила подруга, чтобы приободрить меня.

Конечно, после того как отец Элизы потерял работу и они переехали в Эбердин, я увидела и другую сторону ее натуры, разглядев в ней доброту и набожность, и думаю, в конце концов больше всего мне в ней и понравилось именно это сочетание в ее личности двух совершенно непохожих ипостасей. Со своими маленькими братьями Элиза была сама доброта, и если мы с Морган заходили к ней, когда ее родителей не было дома и она присматривала за малышами, то она продолжала играть с ними, уделяя этим играм столько же внимания, как и общению с нами. И она никогда не говорила плохо ни о ком, даже о тех, кто совершенно точно этого заслуживал, например об Уэсе. И вместе с тем память ее телефона была до отказа полна именами парней, с которыми мы познакомились в торговом центре или в кино, или тех, с кем Элиза ходила в церковь. Ей не столько хотелось иметь постоянного бойфренда, сколько втюриться в кого-нибудь без памяти.

Думаю, вначале одержимость каким-нибудь парнем была нужна ей, чтобы не завидовать той дружбе, которая связывала Морган и меня. Потому что, как близки бы ни были отношения между всеми нами, время от времени связь, объединявшая нас в сплоченную троицу, все же затмевалась той привязанностью, которую питали друг к другу только Морган и я. Конечно, говоря это, я вовсе не желаю обидеть Элизу, но ведь можно иметь только лучшую подругу, разве не так? Мы дружили с Морган еще с колыбели, потому что наши матери тоже были лучшими подругами. С такой давней дружбой Элиза конкурировать просто не могла.

Правда, позднее, когда и на Морган, и на Элизу стали заглядываться мальчишки, третьей лишней себя почувствовала уже я.

– Как бы то ни было, – поправила я ее, возвращаясь к настоящему, – мы с Джесси сейчас не флиртовали. Мы просто дурачились, вот и все.

А разница между тем и другим огромна. Мне ли этого не знать.

Морган прочистила горло.

– Кили, он так пялился на твой зад, когда ты доставала нам из кулера бутылки с водой. Я была потрясена и не смогла этого скрыть. Я резко повернулась к Морган:

– Вовсе он не пялился. Заткнись.

– А вот и пялился, да еще как! Он все время на тебя смотрел, когда ты подходила к нам.

Мне так хотелось ей верить. И может быть, она в самом деле сказала правду. Но мы обе слышали, что ее бывший парень Уэс сказал обо мне, о том, что я из себя представляю, и я знала, что Морган очень хочется исправить тот урон, который нанесли моей самооценке его ужасные слова. Собственно, из-за них она с ним и разругалась. Так что, возможно, все дело было в этом. И именно такое объяснение показалось мне наиболее правдоподобным.

Потому что, как я уже говорила, за всю свою жизнь я целовалась только с двумя парнями. И оба они были не из Эбердина. И тот и другой были просто друзьями тех парней, к которым проявляли интерес Морган и Элиза.

Время от времени мы втроем нацепляли шикарные шмотки и ехали в Хиллздэй или какой-нибудь другой городок, чтобы погулять с ними. Поначалу только ради Элизы, но потом мальчики стали просить и Морган дать им свой телефон.

За последний год я потеряла счет тем случаям, когда Морган или Элиза отходили в сторону и стояли там с парнями, которые им нравились, шепотом рассказывая им что-то, показывая что-то в своих телефонах и при этом оставляя меня с тем, кого тот или иной парень притащил с собой. Но в отличие от своих подруг я просто не знала, как себя надо с ним вести. Я либо молчала как рыба, боясь сморозить какую-нибудь глупость, либо, наоборот, трещала без умолку – и, конечно, только и делала, что выдавала одну глупость за другой.

Разумеется, за последние три года я познакомилась со многими парнями. Но поцеловалась за все это время только с двумя.

* * *

К тому времени, когда Морган высадила меня возле моего дома, опять начался дождь. Он был небольшой, но, судя по тому, как ветер гудел в ветках деревьев, скоро должна была начаться еще одна сильная буря. Так что синоптики на этот раз все-таки не ошиблись.

Мамина машина уже давно уехала. Я знала, что она на работе. Единственное место на дороге, ведущей к нашему дому, которое не блестело от дождя, был четырехугольник под папиным старым рабочим пикапом. Он стоял на нашей подъездной дороге без дела, как какой-нибудь автохлам, потому что папа больше не садился за руль, но он по-прежнему был на ходу. Мы уже дано пытались его продать, но покупателей все не находилось. Мама говорила, что отец просит за него слишком много, а он отстаивал свою цену, перечисляя все достоинства своего пикапа: высокую надежность, маленький пробег и то, что, перед тем как с ним произошел тот несчастный случай, он поставил на него новые тормоза.

Прежде чем войти в дом, я залезла в пикап и включила зажигание, давая двигателю поработать, пока я буду перечитывать сообщение Джесси. Я делала это, чтобы не дать сесть аккумулятору. Я надеялась, что пикап так и не продается и тогда мне разрешат ездить на нем, ведь в марте мне стукнет семнадцать.

Я трусцой пробежала по тропинке, ведущей к нашему дому – дощатому коттеджу, выкрашенному краской и крытому кровельной плиткой цвета сливочного крема, с выходящей на улицу дверью, покрашенной в голубовато-бирюзовый цвет. На втором этаже там было три спальни и ванная, на первом – гостиная, столовая и кухня, а сверху того над вторым этажом

был еще и маленький чердак с откидной лестницей, а внизу размещался пахнущий плесенью погреб, спускаться в который я боялась до чертиков. В доме было парадное крыльцо, достаточно широкое, чтобы на нем разместились качели, и над ним располагалось окно моей спальни.

Я бесшумно пробралась внутрь, зная, что в это время мой папа спит.

С тех пор как с ним произошел несчастный случай, он предпочитал днем спать, а ночью бодрствовать. Теперь он каждую ночь проводил за своим компьютером, а потом отсыпался практически весь день. Думаю, ему было легче находиться в забытии, когда все остальные жители города были заняты вещами, которые он больше делать не мог. Так что я не удивилась, когда увидела, что его компьютер включен. Обычно он располагался на двух стульях: на одном отец сидел, а на другой, с диванной подушкой на сиденье, клал свою больную ногу. Я убрала со стола пустую чашку, из которой он пил кофе, и грязную тарелку, выключила монитор, задвинула оба стула обратно под стол, подняла с пола палку и поставила ее рядом с лестницей, чтобы отцу было удобно опереться на нее, когда он проснется и опять спустится вниз.

Потом я пошла на кухню и поджарила себе на гриле бутерброд с сыром. Держа его в одной руке, а телефон – в другой, я перечитала сообщение Джесси еще несколько раз, прежде чем заставить себя удалить его. Это оказалось совсем нетрудно, потому что я была на девяносто девять процентов уверена, что Джесси никогда мне больше не напишет. И я сейчас даже не винила Уэса за то, что он сделал меня такой пессимисткой. Просто фактам надо было смотреть в лицо, а они были таковы, что, если какой-нибудь парень и начинал испытывать романтический интерес к моей особе, это продолжалось не дольше чем несколько секунд. Это было как телевизионное шоу, которое тебе не нравится, но которое ты в конце концов все равно смотришь, потому что в это время просто больше ничего не идет.

И помни, Кили, что это Джесси Форд. А не какой-нибудь второсортный чувак из тех, что увязывались за теми парнями, к которым питали интерес Морган или Элиза. Джесси мог заполучить любую девчонку в школе, стоило ему только захотеть. Он был так обаятелен, остроумен, и у него были такие подкупающие манеры, что было совершенно неважно, что он не самый красивый из наших парней. Не имело значения даже и то, что у девушки, на которую он положил глаз, уже был свой ухажер. В прошлом году какой-то тупой качок – игрок в американский футбол – узнал, что его девушка, участница группы поддержки его команды, втайне целовалась с Джесси, и он прямо в школьном кафе дал Джесси в челюсть. Так вот, картина, которую Джесси представлял собой после этого удара – гордо улыбающийся, несмотря на разбитую в кровь губу и фиолетовый синяк на щеке, – так до сих пор и осталась его аватаром в соцсетях.

Поэтому я никак не могла представить себе ни одного сценария, в котором Джесси Форд захотел бы со мной встречаться.

Глава 2. Понедельник, 9 мая

Пасмурно, в течение дня ожидаются отдельные грозы, максимальная температура 42 градуса по Фаренгейту.

На следующий день Джесси отправил мне сообщение, когда я шла на первый урок.

И причем не текстовое, а изображающее дурацкий старый динамик его, который он снял в своей комнате, когда утром передавали школьные объявления. Эти объявления сопровождались такими шумами, что невозможно было разобрать ни слова, и Джесси навел камеру сначала на динамик, потом на свое озадаченное лицо, потом опять на динамик, потом опять на свою недоуменную физиономию, а затем приложил согнутую ладонь к уху, словно старик, у которого проблемы со слухом, и сказал:

– Извините, что-то вы сказали? Не могли бы вы повторить?

Джесси регулярно выкладывал в Сеть видеоролики и фотки себя самого. По большей части они бывали остроумными, иногда дурацкими и почти всегда курьезными. Их смотрела вся наша школа. Но это видео предназначалось только мне, и он сделал его, чтобы меня рассмешить. Он так и не выложил его в Сеть.

Пусть это прозвучит дико, но я до сих пор считаю его первым полученным мною любовным письмом.

На протяжении первых двух уроков я мучительно старалась придумать ответ, но тут небо надо мной сжалилось – я заметила орфографическую ошибку на доске для объявлений, которая висела на двери школьного кафетерия:

ЗАКАЖИТЕ СВОЙ ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬБОМ ВЫПУСКНИКОВ СЕГОДНЯ!

Если не считать хвалебной статьи о «Парне, который далеко пойдет», репутация нашей школы оставляла желать лучшего. Ребята из соседних городов насмеялись над нашими поношенными свитерами, отвисшими, полуоторванными помпонами на шапках, над обручами на наших баскетбольных площадках, с которых от старости отвалились веревочные корзины. Каждый год лишь немногие из эбердинских выпускников поступали учиться в колледжи. Остальные шли работать в ближайший Уолмарт, или уходили в армию, или начинали работать в малом бизнесе своих родителей. Что до Морган, то она планировала поступить в учебный центр косметологии, по-моему, это тоже что-то вроде колледжа.

Я понимаю, что продолжение учебы в колледже – это вариант не для всех, но сегодняшнее безграмотное объявление все равно было позором, а потому я остановилась и, опустив большой палец одной руки в знак неодобрения, другой рукой сняла на камеру телефона и само объявление, и мой опущенный большой палец. Буквы в объявлении были прищиплены к доске по одной, и я отцепила лишнюю букву «М» в слове «АЛЬБОМ», так что она соскользнула на пол, и сняла еще одну картинку, на этот раз подняв большой палец в знак того, что теперь все написано правильно.

Когда я обернулась, то увидела, что на меня, сложив руки на груди, пристально смотрит Ливай Хемрик. Думаю, он хотел вызвать у меня чувство вины за то, что я мусорю, и заставить меня поднять с пола свалившуюся букву. А может быть, его взбесило то, что я, несколько не скрываясь, нарушаю правила и пользуюсь в школе своим мобильным. Наверное, он мнил себя неофициальным дежурным по школе, который должен следить за порядком, вот зануда! Я притворилась, что не замечаю его, и смешалась с толпой учеников, идущих на четвертый урок.

После этого все и завертелось. Джесси и я переписывались по мессенджеру весь день, то и дело отправляя друг другу забавные сообщения и фотки. Один раз он прислал мне фотку продолговатой ямки между ягодицами нашего школьного сторожа. Я ответила, скинув ему ролик, на котором наш учитель мистер Кирк сначала ковыряет мизинцем в ухе, а потом нюхает его. И так далее в этом же духе. Пару раз во время переменок между уроками я посылала

Джесси шутливые тексты и, слушая, как он смеется в другом конце коридора над тем, что я написала, оба раза чувствовала себя на седьмом небе.

Развлекая Джесси, я забыла обо всем остальном. Я спустила рукава написала проверочный тест по истории, потом прогуляла следующий урок, чтобы наскоро подкрепиться пищей в пиццерии «Минео», оказавшись там вместе с Морган и Элизой, которые заработали разрешение пообедать вне школы. Все это время я думала лишь об одном: как бы отправить Джесси на мобильник что-нибудь забавное или остроумное, чтобы он захотел ответить мне еще раз? Я сделала, наверное, сотню селфи, прежде чем на одном из них получилась достаточно хорошенькой, чтобы переслать его Джесси. Всякий раз я ждала по крайней мере сорок минут, прежде чем ответить на его предыдущее сообщение, чтобы он не подумал, что мне слишком уж не терпится его закадрить. Но стоило моему мобильнику загудеть, принимая его очередное сообщение, как я впадала в эйфорию.

Когда летом, перед тем как мы пошли в десятый класс, Морган и Элиза вернулись из молодежного лагеря, который организовала их церковь, я сразу же догадалась, что Элиза теперь уже не девственница. Когда я напрямик спросила Морган, так ли это, та не ответила мне ни «да», ни «нет», что я восприняла как подтверждение того, что Элиза и впрямь потеряла невинность. Сама она, впрочем, отказывалась отвечать на мои расспросы.

Морган поклялась мне, что она-то еще точно ни с кем не спала, но призналась, что кое-чем занималась с парнем по имени Дуглас Бардуг, с которым познакомилась в том же лагере. К счастью, она была куда более откровенна со мной, чем Элиза, и сообщила мне кучу полезной информации, когда прободрствовала всю ночь, отвечая на мои самые безумные по степени интимности вопросы, вроде, например, такого: «Ну, ладно, а как быть, если парень пытается сделать тебе куннилингус после того, как ты только что пописала?» При этом Морган немного смущалась, но отвечала с беспристрастной прямоотой матери, объясняющей трех- или четырехлетнему ребенку, как называется то, что находится у него между ножками. Помнится, тем утром я ушла от нее, чувствуя себя именно так, как такой вот малыш, и сознавая, насколько же я еще неопытна. И до сих пор я все еще оставалась практически такой же зеленой.

Именно по этой причине я поначалу ничего не сказала своим подругам о сообщениях, которые отправлял на мой мобильник Джесси. Мне было просто стыдно признаться, как много для меня значит каждое из них.

А кроме того, как бы удивительно и чудесно ни было для меня внимание Джесси Форда, я отлично сознавала, что каждое его сообщение может оказаться последним.

Всего лишь несколько недель назад он подвозил на своей машине в школу и из школы одну десятиклассницу с нереально большими грудями, но я заметила, что теперь она снова ездит на школьном автобусе. Однако я все равно никак не могла поверить, что сейчас он ни с кем не встречается, потому что у него давно уже были отношения с девушкой из его собственного двенадцатого класса, которую звали Виктория Данкл. Они то сходились, то расходились, но без надрыва, потому что оба смотрели на это легко. Когда у нее не было никого другого, да и у него тоже, они снова начинали встречаться.

Я попробовала заставить себя трезво оценить положение, в котором вдруг оказалась. Может быть, я и задела в душе Джесси какую-то чувствительную струнку, но, в общем-то, продолжающийся полнедели обмен сообщениями и фотками мало что значил. Когда я подсчитала все сообщения, которые отправила и получила, то общий итог показался мне куда более внушительным, чем мне представлялось вначале, но из-за всей этой девчоночьей шизоарифметики я чувствовала себя, как бы это выразиться, тоже какой-то шизанутой. Причем даже нельзя было сказать, что Джесси реально бегаёт за мной на людях. Мы с ним оставались просто тайными друзьями по переписке, вот и все.

Я даже начала вспоминать все те ужасные вещи, которые Морган обо мне наговорил Уэс, чтобы убить даже последний огонек надежды, который еще теплился в моей душе. Правда, все

эти гадости дали результат прямо противоположный желаемому, потому что в конце концов я начала фантазировать, как Джесси и я, идя обнявшись, в один прекрасный день столкнемся с Уэсом лицом к лицу, и я покажу его Джесси и шепотом повторю все те мерзости, которые этот гад обо мне наговорил, и тогда Джесси, великолепный, как всегда, заставит Уэса униженно опустить глаза и жестоко высмеет его, показав всем, какой это бесхребетный, ничтожный говнюк.

Я не слишком ругала себя за эти сладкие грезы. Даже если они и казались мне совершенно несбыточными, они все равно согревали мне сердце.

Глава 3. Среда, 11 мая

Утром местами ожидаются проливные дожди, которые усилятся и приобретут более затяжной характер в течение дня. Максимальная температура 40 градусов по Фаренгейту.

За обедом Морган и Элиза увлеченно болтали о нарядах, которые они наденут на предстоящий концерт молодежной рок-группы, и внезапно их взгляды привлекло видео с фотографией Джесси, появившееся на экране моего мобильного.

– Погоди-ка. Ты когда-то исписала целую тетрадь, упражняясь в выведении подписи, которая у тебя будет, если ты выйдешь замуж за Джесси Форда, а теперь вы двое все время посылаете друг другу сообщения, и что же, ты даже не дала себе труда сообщить об этом нам!

Морган сказала «нам» и даже с недоверием взглянула при этом на Элизу, но я-то знала, что на самом деле она говорит только о себе.

– Сообщать тут не о чем! Мы с Джесси просто дурачимся, шутим, вот и все.

Как бы мне хотелось, чтобы речь шла о чем-то большем, но это было отнюдь не так.

– Предоставь судить об этом мне, – сказала Морган, выхватывая у меня из руки телефон и вместе с Элизой наклоняясь над ним, чтобы лучше рассмотреть видеоизображение Джесси на его экране.

Джесси приехал на обед в город. А может быть, он сделал эту фотографию по дороге в школу – когда точно она была сделана, я не знала. Как бы то ни было, на ней у него было очень милое, прямо-таки ангельское выражение лица, взгляд был устремлен вверх и вправо, на губах играла чуть заметная улыбка. За спиной его, на заднем плане, виднелись предупредительное ленточное ограждение и грузовой ремонтный автомобиль, принадлежащий электроэнергетической компании.

– Я что-то не врубаюсь, – сказала Элиза. – В чем заключается шутка?

– Посмотри внимательнее, – посоветовала я.

Из-за последних дождей в городе постоянно то там, то сям ненадолго с шипением отключалось электроснабжение, и электроэнергетическая компания то и дело присылала в разные места свои ремонтные фургоны, чтобы что-то починить или откачать воду из канализационного люка. На этот раз на сообщении было видно, что ремонтники огородили середину улицы с помощью ленты и ярко-оранжевых конусов и выставили табличку с предупредительной надписью. Так вот, на фотке, которую мне скинул Джесси, эта надпись оказалась в фокусе прямо над его правым плечом, и она гласила: «НЕ ВЛЕЗАЙ, УБЬЕТ! СТОЛ ЛЮКА ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ!»

Я ожидала, что на лицах обеих моих подруг появится выражение шока, потому что знала: тот тон, в котором общаемся Джесси и я, резко отличается от того, в котором с парнями говорят они. Но Морган просто погладила меня по спине:

– Ага. Он и впрямь с тобой заигрывает, тут двух мнений быть не может.

Элиза, похоже, была не так в этом уверена.

– Ой ли? Я не уверена. Это звучит уж слишком странно. – Она в раздумье постучала пальцем по губам. – Хотя, пожалуй, если парень заговорил с тобой о своем *стволе*, это можно счесть намеком на сексуальное заигрывание.

Слова Элизы согрели мне душу. Ведь она, в конце концов, лучше всех нас разбиралась в парнях.

Сначала я хотела показать девчонкам только эту фотку, но они настояли на том, чтобы просмотреть всю нашу переписку. Они с пристрастием проштудировали каждое сообщение Джесси в поисках скрытых намеков на флирт или заигрывание и тщательно проанализировали каждый из моих ответов.

Элиза постучала пальцем по экрану моего мобильного:

– Вот посмотри! Тут он явно с тобой заигрывает. – И она взглянула на меня с неподдельным удивлением.

Если бы речь у нас шла не о Джесси Форде, я, пожалуй, почувствовала бы себя оскорбленной. Потому что из всех парней, с которыми Элиза водила компанию в приходе церкви Святой Анны, ни один не мог сравниться с Джесси.

– С чего ты это взяла?

Морган и Элиза переглянулись.

– Потому что он переслал тебе эмодикон улыбающейся собачьей морды, а не обычный человеческий смайлик, намекая на то, что собаки делают это раком, а ты лажанулась, ответив просто «смеюсьнемогу». Брось, Кили, ты же все-таки не такая лохушка.

– А вот и такая. Вы же знаете, я во всех этих вещах полная дура! – И я попыталась отобрать у подружек свой телефон.

Но Элиза не дала мне его вырвать.

– Что ты ответишь ему на это его фотку со словом «ствол»? Ты должна отправить ему какой-нибудь кокетливо-сексуальный ответ. А то он подумает, что тебе это по фигуре.

Я совершенно не представляла себе, как надо отвечать. Внезапно вся эта история с нашим обменом сообщениями и фотками предстала передо мной в совершенно новом свете. Неужели Джесси действительно все это время по-настоящему заигрывал со мной?

Меня охватила паника.

– Я не знаю, что ему ответить, – сказала я. – Может быть, мне самой стоит отправить ему улыбающуюся собачью морду?

– Нет! – хором завопили девчонки.

– Слушайте, несколько секунд назад вы обе утверждали, что улыбающаяся собачья морда – это сексуально! – Я вырвала из руки Элизы свой телефон. – Может, мне послать ему эмодикон «банан»? Ведь банан вроде бы обозначает пенис?

Хотя я просто прикалывалась, Морган схватила меня за руки, а Элиза снова вырвала у меня телефон. И они начали вместе составлять для меня ответ. Я вздыхала, делая вид, что я против и что они только мешаются у меня под ногами и не дают развернуться моему гению, но, если честно, когда они взялись за это дело, я почувствовала облегчение. Обычно, когда Морган и Элиза начинали болтать о парнях, мне всякий раз приходилось сосредоточиваться на том, чтобы настроить радио на более удачную песню или пойти купить нам что-нибудь пожевать. Так что я была рада, что девчонки взялись мне помогать, потому что сама я была в этом деле полным профаном.

Сначала они отправили пиктограммы, изображающие удар молнии, испуганное человеческое лицо, а потом картинку девушки, скрестившей руки на груди, как бы говоря: «Ну уж нет, дудки!» Вслед за этим было отправлено сообщение следующего содержания: «По этому вопросу тебе, наверное, лучше обратиться к врачу. И чем скорее, тем лучше».

– Ну и как все это покажет ему, что он мне интересен? – спросила я.

– Просто поверь нам, мы знаем, что делаем, – усмехнулась Элиза.

Джесси ответил мне еще до окончания урока. «Значит, это было не прикольно?» А потом добавил: «Не бери в голову. В следующий раз будет лучше».

Я не могла поверить своим глазам. И почти решила, что это сон.

А потом Джесси выполнил свое обещание. В следующий раз все получилось и впрямь классно.

Глава 4. Четверг, 12 мая

Проливные дожди, местами сильные. Максимальная температура 40 градусов по Фаренгейту.

На следующее утро поступили в продажу билеты на Весенний бал, и мы все трое: Морган, Элиза и я – повесили наши куртки, шапки и шарфы в запирающиеся шкафчики и направились к раскладному столу, установленному перед входом в спортзал. Когда мы собирались повернуть по коридору за угол, оттуда послышалась музыка. И тут мы увидели Джесси, который танцевал под аккомпанемент песен, несущихся из динамика его телефона. На нем была расстегнутая до середины груди рубашка, а из-за пояса джинсов виднелась полоска семейных трусов в горошек. На голову он повязал белую ленту, и такие же белые ленты красовались на его запястьях. Его друг Зито держал над его головой зеркальный шарик размером с брелок для ключей.

Когда мы встали в очередь за билетами, как раз заканчивалась популярная песня, которую в последнее время вечно крутили по радио. Парни обычно делают вид, что не знают таких песен, или же утверждают, что это глупая музыка, которая нравится только девчонкам. Но Джесси, нисколько не смущаясь, выводил слова вместе с певцом и даже со знанием дела исполнял хореографическую композицию из его клипа.

– Элиза, Джесси что, входит в школьный комитет по организации балов? – поинтересовалась Морган.

– Хм, думаю, что нет. Может, он в нем и числится, но он за весь год не пришел ни на одно заседание.

– Тогда какого черта он сейчас делает?

Даже если бы я знала ответ на этот вопрос, я бы все равно не смогла ничего сказать. Я слишком сильно смеялась.

Попсовая песенка закончилась, и за ней последовала песня в стиле хеви-метал с оглушительными низкими частотами басовой гитары и хриплыми выкриками. Джесси картинно выбил из рук Зито зеркальный шарик, и тот покатился по коридору. Потом Джесси начал то извиваться под тяжелый рок, то прыгать в стиле «слэм», словно у него на ногах были пружины, затем он, кажется, подпрыгнул высоко в воздух с вытянутой ногой в стиле кунг-фу, после чего сделал вид, что исполняет соло на гитаре, но так это было или нет, сказать с уверенностью я бы не смогла, потому что старалась не слишком на него пялиться.

Когда подошла наша очередь покупать билеты и мы подошли к столу, Джесси прямо набросился на меня, широко округлив глаза:

– Кили!

Я едва успела заплатить за билет, отдав десять долларов, когда он потянул меня вслед за собой.

– Ну, как эта музыка, в твоем вкусе, Кили? – Джесси ни на минуту не переставал танцевать.

– Не совсем.

– Да? Ну, ладно, не бери в голову. – Парень ткнул пальцем в свой телефон, и зазвучала песня в стиле «хип-хоп». – Как ты насчет того, чтобы потанцевать брейк-данс? – спросил он, переплетая свои пальцы с моими и поднимая наши руки.

– Я не умею. Совсем не умею танцевать брейк-данс, – улыбнулась я, вырывая руку.

Все взгляды были устремлены на нас, но я нисколько не смутилась. Напротив, я была приятно взволнована. Наша с ним переписка словно ожила и вышла на всеобщее обозрение.

– О'кей, а как насчет того, чтобы поиграть в роботов? – Джесси механически, рывками задвигал руками и ногами. – Меня запрограммировали, чтобы резать напольное покрытие на куски, – металлическим, как у компьютера, голосом провещал он.

– Ты спятил, – ответила я, попытавшись отойти, прежде чем он бросится на меня снова.

Он все-таки попробовал, но на этот раз у него ничего не вышло. Я ринулась к столу, схватила свой билет на бал и спряталась за Морган и Элизой, как за живым щитом. При этом я все еще чувствовала прикосновение пальцев Джесси к своей руке, и мне казалось, что она сделалась чуть-чуть горячее, чем остальные части моего тела.

– Имей в виду, на Весеннем балу ты от меня так просто не отделаешься! – крикнул Джесси, и его голос донесся до меня сквозь толпу. – Тебе не удастся прятаться от меня всю ночь!

Мы убежали, нырнув в ближайший женский туалет.

– Вот видишь! – сказала Морган. – Ты правда нравишься ему, Кили!

– Согласна, – подтвердила Элиза. – На этом балу вы, сладкая парочка, однозначно будете обжиматься.

Я подняла с плеч волосы, сделала из них конский хвост и обмахнула рукой разгоряченную шею. Вместо того чтобы сказать себе: *«Кили, тебе это только кажется, не сходи сума»*, я вдруг неожиданно для себя выпалила:

– Может, мне купить себе новое платье?

Первоначально я собиралась надеть на бал какой-нибудь свой старый прикид, чтобы сэкономить деньги, но сейчас эта идея вдруг показалась мне просто ужасной.

Элиза и Морган с довольным видом переглянулись.

– Давайте все втроем поедem сегодня по магазинам! – предложила Элиза. – Возьмем мою машину.

Но к обеду полил сильный дождь, и мать Элизы сказала, что она против того, чтобы ее дочь отправилась на машине по темной дороге в торговый центр в Риджвуде, богатом городе, стоящем на полпути между Эбердином и Уотерфорд-Сити, тем более что у нее пока были только ученические права. В конце концов они вдрызг разругались, и Элизе пришлось остаться дома.

Морган тоже не смогла взять машину, потому что та зачем-то понадобилась ее матери, но миссис Дорси позвонила моей маме и, видимо, сыграла на ее чувстве вины, потому что, к моему величайшему удивлению, моя родительница отложила в сторону бумаги, над которыми работала – чего она на моей памяти не делала почти никогда, – и предложила свозить меня и Морган за покупками.

Если бы в тот вечер ее с нами не было, я бы ни за что не купила то самое жутко красивое платье. Хотя я до сих пор не уверена, хорошо это было бы или нет.

В конце концов моя мамуля решила по-настоящему раскошелиться на мое новое платье, потому что я собиралась пойти на танцы в первый раз в жизни (в средней школе Эбердина устраивали только два бала: весенний для учеников двух последних классов и выпускной, ни на один из которых я еще ни разу – какой сюрприз! – не была приглашена) и потому что предполагалось, что на свое шестнадцатилетие я выберу себе подарок – медальон или что-нибудь другое в этом же духе, – но прошло уже два месяца, а я так ничего для себя и не подобрала.

Мы с мамой решили купить мне это платье уже после того, как обе ошеломленно заморгали, увидев его ценник. Мне не пришло в голову посмотреть, сколько платье стоит, до того, как я совершенно в него влюбилась. При мысли о том, какую сумму мама за него выложила, меня до сих пор мучает совесть.

Но, по-видимому, она заранее знала, что нас может ждать. Именно моя мамуля завела нас в универмаг «Пирсон», потому что узнала песню, которую настоящий живой пианист играл на стоящем там черном блестящем пианино. Прежде я никогда туда не заглядывала, и Морган

тоже, хотя мы и слышали, что туалеты там намного лучше, чем в универмаге Мэйси. В отличие от Мэйси продавцы в «Пирсоне» действительно смотрели на нас, когда мы проходили мимо. При этом они любезно улыбались, но мы-то знали, что при этом они мысленно оценивают тебя, прикидывая про себя, достаточно ли у тебя денег, чтобы ходить к ним за покупками. И они видели, что у нас таких денег нет однозначно.

Когда пианист доиграл песню, мама подтолкнула нас с Морган к эскалатору и, положив руку каждой из нас на спину, предложила нам посмотреть на те платья, которые продаются тут, поскольку в других магазинах мне ничего не подошло. Мы с Морган переглянулись, как бы говоря друг другу: «Ну, что ж, поглядим».

В «Пирсоне» было выставлено вдвое меньше одежды, чем в «Мэйси». Все вешалки казались полупустыми. Поэтому я быстро его нашла. Короткое платье-рубашка, практически платье-мини. У него была просвечивающая шелковая подкладка того же цвета, как чай моей мамы, в который она всегда добавляла почти полчашки сливок, или как загар, которым я всегда покрывалась после целого дня лежания на пляже у реки. Сверху подкладки красовался футляр из кружев цвета слоновой кости в виде маргариток, соединенных друг с другом концами лепестков. Рукава в три четверти тоже были кружевные, но уже без подкладки. Платье застегивалось на идущую по спине золотую молнию.

Мне никогда и в голову не приходило, что я приду на Весенний бал старшеклассников в настолько изысканном наряде. Я предполагала, что надену какое-нибудь платьице с юбкой-колоколом, которая будет разлетаться, когда я буду кружиться на танцполе. Или с потайными карманами, в которых можно будет положить губную помаду и мобильник, чтобы не брать с собой сумку. Я уже примерила несколько таких платьев, и, хотя они все были ничего себе, ни в одном из них я не почувствовала себя достаточно хорошенькой. Мне нечасто доводилось облачаться в шикарные наряды, но я понимала, что выглядеть в них классно – это и есть главный критерий, – Ой, пожалуйста, вот это, – взмолилась Морган, увидев, что я рассматриваю платье. – Пожалуйста, Кили, примерь его!

Мне захотелось примерить его еще до того, как она это предложила. Хотя, если бы вместе с нами сейчас была Элиза, я вряд ли бы решилась его надеть. А если бы и надела, то скорее в шутку по-видимому такая простецкая девчонка, примеряющая ради прикола такой вот дорогой прикид. Но поскольку сейчас рядом со мной была только Морган, мне не пришлось маскировать свое острое желание надеть это платье, делая вид, что это я хохмлю. Я осторожно сняла плечики с платьем с реечной вешалки и понесла его в примерочную, держа его перед собой, как официант, несущий горячее.

Когда я вышла из примерочной, у моей мамы округлились глаза. Она сказала, что это платье похоже на те, которые калифорнийские девушки носили в шестидесятых. Уж не знаю, откуда ей было это знать, ведь она прожила в Эбердине всю жизнь.

– Ки-или, – протянула было Морган, потом прикрыла рот рукой, раз, другой. – Ты сейчас выглядишь как... *настоящая женищина*.

– А ты сейчас говоришь, как телевизионная реклама гигиенических тампонов, – усмехнулась я.

Но когда я несколько раз покружилась, глядя на свое отражение в трехстворчатом зеркале, мне стало ясно, что Морган имела в виду.

В том году уже было несколько случаев, когда я выходила поразвлечься вместе с Морган и Элизой и те, с кем мы гуляли, думали, что я на год или даже на целых два младше своих подруг.

Я носила одну и ту же прическу с тех пор, как мне исполнилось двенадцать лет: волосы, подстриженные по одной линии. Хорошо еще, что я бросила носить хотя бы яркие пластмассовые пряжки-заколки. У меня были очень тонкие, практически детские волосы, и вырастали они только до плеч. Морган вечно пыталась уговорить меня сделать прическу под пажа либо

выстричь короткую стрижку или челку, но я все никак решалась на это пойти, потому что была уверена: сделай я какую-нибудь более классную и смелую прическу, и моя физиономия станет выглядеть еще более детской.

Платье приятно облегало тело и было мне совершенно впору. При таком его фасоне большие груди показались бы явно лишними, и это было для меня как нельзя кстати. На грудастой девушке это платье выглядело бы странно и нелепо. Оно требовало стройных линий и красивых длинных ног. Морган всегда говорила, что я самая худая и немускулистая девчонка из всех, кого она знает, и я никогда не носила короткие шорты, потому что боялась, что ноги у меня слишком длинные и похожи на палки. Но в этом платье они такими не казались. В нем все было просто идеально.

Я надеялась, что буду выглядеть хотя бы хорошенькой, но в этом платье я была красивой. До этого момента я и не подозревала, что между тем и другим существует такая огромная разница. Платье было таким чудесным, что мне стало по-настоящему стыдно, когда, глядя на него, я переделалась обратно в свои джинсы и мешковатый шерстяной жакет и обулась в резиновые сапоги.

Когда мы подошли к кассе, мы все трое не удержались и пощупали ткань. Она казалась тонкой, но на самом деле кружева были тяжелыми и негнушимися и немного блестели. Морган обратила мое внимание на то, что с бегунка молнии на спине платье свисает амулет – золотое сердечко.

Вот тогда-то я впервые и посмотрела на его цену.

Не зная, что теперь делать, я взглянула на маму, но она отмахнулась от меня, сделав вид, что цена не имеет значения. Что ж, ладно, в этом я могла ей подыграть. Но вместо того, чтобы открыть бумажник, она начала расплачиваться с кассиршей мятыми двадцатидолларовыми, пятидолларовыми и даже однодолларовыми купюрами, и она доставала их, стараясь не привлекать внимания, из конверта от поздравительной открытки, который лежал в ее дамской сумке. Из своего тайника, куда она складывала деньги, которые копила. Это не должно было бы меня смутить, ведь деньги есть деньги, но я все равно чувствовала себя сконфуженной. Я сделала вид, что не замечаю старого потертого конверта, и вместо этого начала болтать с продавцом и Морган о сегодняшнем дожде, надеясь, что они тоже его не заметят.

Когда мама передала кассирше толстую пачку купюр, я на мгновение все-таки офигела. Никакое платье не может быть таким запоминающимся на всю жизнь, как золотой медальон, который девушке дарят, когда ей исполняется шестнадцать лет, но это платье стоило никак не меньше. Мама явно уже давно понемногу откладывала деньги. С финансами у нас дома было напряженно. Поскольку папа больше не работал, львиную долю обязанностей – и финансовых, да и всех остальных – взяла на себя мама. Она работала все время, – и я говорю это буквально. Если она не ездила к пациентам, она убирала дом, готовила для нас еду, ходила за продуктами в магазин. Я почти никогда не видела, чтобы мама хоть на минуту присела.

На работе она все время брала сверхурочные, и после того, как были оплачены все счета, все оставшиеся деньги откладывались на оплату моего обучения в колледже. Мама считала, что плата за колледж – это наш приоритет номер один. Из денег, отложенных на него, она никогда не взяла бы и цента. Скорее она пожертвовала бы расходами на саму себя. Пропустила бы обед, не выпила бы лишнюю чашечку кофе, может быть, не купила бы себе новый свитер. И скорее всего, все эти жертвы надо было умножить в несколько раз.

Зуб даю, что продавец прочитал все это по моему лицу, потому что он улыбнулся и проворковал:

– Ваш бойфренд умрет от восхищения, когда увидит вас в этом наряде.

Когда я услышала слово «бойфренд», оно таким гулким эхом отдалось в моей душе, что я испугалась, как бы остальные не услышали, что этот звук раздается в пустоте.

Морган ободряюще сжала мою руку, но жест этот был незаметным, и на него, слава богу, никто не обратил внимания. Мама обняла меня и ехидно сказала:

– Помню, раньше тебе всегда было так противно, когда я целовала твоего папу, даже если я просто чмокала его в щеку. Ах, как изменились времена!

Я скорчила рожу:

– Сожалею, что должна разочаровать тебя, мама, но те времена не изменились. Они не изменятся никогда.

Мама сдернула резинку с моего конского хвоста, сделав вид, будто мои слова ее обижают, хотя мы обе отлично знали правду, а именно что мои родители больше никогда не целуются.

Я стояла молча, пока вместо обычного пакета для покупок продавец укладывал мое платье в белый матерчатый футляр, на котором золотыми буквами было вышито «Пирсон», и застегивал его на молнию. Я не помнила, какого цвета были глаза у того парня, с которым я впервые поцеловалась. Не помнила я и как писалось имя второго: Эрик или Эрих. Но если третьим будет Джесси Форд, то платье будет стоить тех денег, которые были на него потрачены. Ведь память о том, как Джесси будет меня целовать, останется со мной куда дольше, чем любой золотой медальон.

* * *

Когда мы высадили Морган у ее дома, ее мать выбежала нам навстречу в банном халате и с зонтиком в руках. Дождь лил как из ведра, но она хотела, чтобы мы расстегнули молнию на футляре и показали ей мое платье. Хотя первыми его заметили Морган и я, она воскликнула:

– О, Джилл! Оно просто великолепно! Должно быть, оно стоило целое состояние.

Мама закусила губу.

– Да нет, не так уж много.

Миссис Дорси усмехнулась:

– В «Пирсоне» все ужасно дорого. – И она, просунув руку в машину, хлопнула мою маму по плечу. – Но ты знаешь, что я об этом думаю. У каждой девушки должно быть хотя бы одно дорогое платье.

– А когда ты купишь такое платье мне? – спросила Морган.

– Когда ты принесешь мне из школы табель, в котором не будет троек, мы сможем об этом поговорить. – Потом, вновь обращаясь к моей маме, миссис Дорси вдруг сказала: – Помнишь, как я умоляла свою мать позволить мне потратить деньги, которые мне подарили на конфирмацию, вот на это?

Тут миссис Дорси распахнула свой банный халат, и обнаружилось, что под ним она одета в обтягивающее красное кружевное платье.

– Энни! Я поверить не могу, что оно до сих пор тебе впору! – воскликнула мама. – После своего развода миссис Дорси сбросила около сорока фунтов, и теперь они с Морган иногда носили одни и те же вещи. Мама вздохнула: – Жаль, что у меня нет времени на физические упражнения.

Я повернулась в ее сторону:

– Мамуля, о чем ты говоришь? Ты выглядишь просто классно.

– Тут речь идет не о похудении, а о поддержании здоровья. Причем как физического, так и о психического, – пояснила миссис Дорси. – И ты никогда не найдешь на себя времени, если не заставишь себя это сделать.

Морган застонала:

– Мама, перестань цитировать свои книги по самоусовершенствованию.

В машине по дороге домой мама снова расстегнула молнию на футляре, в котором лежало мое платье, осторожно срезала все этикетки с ценой и выбросила их вместе с чеком в придо-

рожную урну, когда мы остановились на мигающий красный сигнал единственного светофора на Главной улице. Оставшуюся часть пути мы провели, придумывая тысячу и один повод, когда я смогу надеть это платье опять, чтобы оправдать потраченные на него деньги, а также договорились о той сильно урезанной цене на него, которую мы назовем папе, если он о ней спросит.

Мама не любила врать, но ради такого случая она готова была сделать исключение. Во-первых, мужчины вообще не представляют, какой дорогой может быть одежда, и особенно это относится к такому человеку, как папа. К тому же мы скажем неправду, чтобы его защитить.

– Он хочет, чтобы у тебя было все самое лучшее, Кили, – уверяла меня мама. – И он очень страдает от того, что не может внести в наш семейный бюджет свой вклад. Ты же знаешь, какие все Хьюитты гордые. Думаю, это заложено в их генах. В общем, я не хочу, чтобы отец мучился из-за того, что он не в силах исправить.

Я кивнула.

Немного более двух лет назад папа провалился сквозь прогнивший пол сеновала, когда чинил чей-то амбар. Тогда он пролетел двадцать футов, упал на цементный пол, раздробил кости таза и так повредил левую бедренную кость, что она переломилась надвое. Ему сделали множество операций, ввинтив в кости несколько металлических штырей и пластин. Он по-прежнему мог ходить, но сильно хромал, потому что одна его нога больше не сгибалась. Так что починка того амбара была последним плотницким заказом, который он получил.

Но нашим заговорщицким планам так и не суждено было осуществиться. Когда мы вошли в дом, папа сидел за своим компьютером, и он едва оторвал взгляд от монитора, чтобы посмотреть на нас с мамой и спросить:

– Ну как, хорошее выбрали платье?

– Хорошее, – подтвердила я с лестницы, уже наполовину поднявшись на второй этаж.

Глава 5. Суббота, 14 мая

Проливные дожди, возможно создание условий для разлива реки. Максимальная температура 43 градуса по Фаренгейту.

Утром того дня, когда должен был состояться Весенний бал старшекласников, я проснулась рано и в доме у Морган, как если бы занятия в школе все еще продолжались. Но на этот раз я не чувствовала себя невыспавшейся и не умоляла дать мне поспать еще пять минут, как тогда, когда мне предстояло идти на уроки. Едва я открыла глаза, как мой мозг, словно готовя воздушную кукурузу, взорвался множеством вариантов текстовых сообщений и фоток, которые я могла послать Джесси Форду, и сотнями разных забавных и вместе с тем кокетливых способов пожелать ему доброго утра.

В конце концов я остановилась на селфи, на котором я лишь наполовину проснулась, со спутанными развевающимися волосами, заспанными глазами и ртом, разинутым в широком притворном зевке. Пока я его снимала, Морган подняла голову с подушки и, щурясь, отвела глаза от светящегося экрана моего телефона. За окном все еще было темно из-за разыгравшейся бури. По правде сказать, я думаю, что солнце в тот день так и не появилось.

Морган сонно сказала:

– Кили, пусть он сначала пошлет тебе сообщение.

Я сдержанно засмеялась, давая знать Морган, что на этот раз она в корне не права.

– Я просто хочу скинуть ему шутивную фотку. Никаких объяснений в любви и всего такого прочего. – Хотя на одной мне понятном языке именно об этом говорилось в каждом сообщении, который я посылала Джесси.

Морган попыталась отобрать у меня телефон, но она была еще вялой после сна, и я легко ее победила. В конце концов она опять повернулась к стенке.

– Ладно, но помни вот о чем, – зевая, сказала подруга. – Сегодня вечером ты не должна вести себя так, чтобы смешить Джесси. Тебе надо держаться так, чтобы он решил тебя поцеловать.

Разумеется, она была права.

Я еще раз посмотрела на свое изображение. Я выглядела на нем отнюдь не симпатичной. Напротив, я выглядела так, будто у меня не все дома.

И я быстренько его удалила. Потом я снова легла на кровать Морган и стала наблюдать, как качаются пластиковые жалюзи, то всасываясь в ее наполовину открытое окно, то опять высовываясь наружу, а вентилятор на потолке ее комнаты вращается от порывов ветра. Я слушала шум дождя и изучала инструкции, которые нашла в глянцевого журнале, о том, как надо подводить глаза и красить ресницы. Я просматривала их, мечтая о том, как встану на цыпочки, чтобы поцеловаться с Джесси Фордом, и надеясь, что при этом он набросит мне на плечи свой блейзер, чтобы защитить меня от холода, принесенного обещанным на сегодня дождем, потому что, по моему разумению, это самый романтичный жест, который парень может сделать для своей подруги. Я послала Джесси мысленную просьбу скинуть мне сообщение. Чтобы подать мне знак, что в эту минуту он тоже о думает обо мне. Или хотя бы что он уже проснулся. Я бы с радостью удовольствовалась и этим.

В конце концов мой телефон загудел после полудня, когда я сидела в столовой дома Дорси, которую мама Морган, миссис Дорси, превратила в салон красоты. В эту минуту она как раз втыкала в мои волосы заколки-невидимки.

Раньше у миссис Дорси был салон на главной улице, но после того, как мистер Дорси от нее ушел, она, чтобы сэкономить деньги, перестала его арендовать и начала работать на дому. В тамбуре она установила раковину для мытья волос клиенток, а рядом поставила стиральную машину и сушилку для белья. Свою столовую она переоборудовала в салон красоты, продав

свой столовый гарнитур на большой гаражной распродаже и заменив его на специальное кресло и зеркало, висящее на стене.

Морган придвинула свой стул к моему креслу. В одной руке она держала пачку шоколадного печенья, которое мы вдвоем поедали, а в другой – скачанную мною с компьютера фотографию прически, которую я хотела попросить ее мать сделать мне, сверяясь с этой картинкой. Сначала я рассчитывала, что Морган займется моими волосами сама, но она не захотела так рисковать, чтобы не запороть дела, ведь ставки были слишком высоки.

Волосы Морган были уже уложены. Поначалу вид у ее локонов был слишком неестественным, этикие закрученные темно-шоколадные ленты, но вскоре, как нам и обещала миссис Дорси, кудри Морган начали вытягиваться, с каждой минутой становясь все более пышными и похожими на естественные волны.

Миссис Дорси побрызгала мою шевелюру лаком для волос и повернула мое кресло так, что я оказалась лицом к зеркалу. В основном мать Морган делала укладки пожилым людям, и я была не вполне уверена, что она добьется нужного мне результата, но все вышло просто идеально. Она сделала мне косой пробор, затем заплела несколько прядей в косички и собрала их в пучок, заколов его шпильками, так что он оказался одновременно снизу и сбоку. Моя прическа казалась красивой и необычной, но хотелось бы надеяться, что, взглянув на нее, Джесси не догадается, насколько менее красивыми мои волосы выглядят без всех этих ухищрений.

Как раз в этот момент телефон в моей руке и загудел. Два сообщения от Джесси, следующие одно за другим.

На первом была старая фотография, видимо переснятая из семейного альбома, потому что на ней виднелся отблеск защитного полиэтиленового чехла. Это было фото маленького Джесси – на нем ему было, наверное, лет девять-десять, – снятое, по-видимому, на какой-то свадьбе. На нем Джесси был окружен взрослыми, волосы его взмокли от пота, и он сосредоточенно отплясывал на танцполе. Его руки были слегка разведены в стороны и подняты над головой, одна нога поднята над полом, подбородок выдвинут вперед, глаза закрыты, а рот разинут так широко, что можно было разглядеть нижние коренные зубы. На этой фотографии волосы у маленького Джесси были совершенно белые, как середина солнечного диска, и он был одет в миниатюрный смокинг.

При виде его сердце мое растаяло, и я не могла скрыть довольной улыбки.

Второе сообщение было текстовым: «Предупреждение: такова автоматическая реакция моего тела, когда я слышу танцевальную песню певца Купидона „Шафл“. Так что сегодня вечером будь готова танцевать со мной».

Я была готова, Джесси Форд. О, господи, я была полностью готова.

Моя мама должна была зайти к миссис Дорси, чтобы нас сфотографировать, но она не смогла вовремя объехать всех своих пациентов, так что фотографии сделала на свой телефон сама миссис Дорси и скинула их моей мамуле. А потом миссис Дорси достала старый семейный фотоальбом и показала нам фотки тех лет, когда мои отец и мать вместе учились в старших классах нашей средней школы. Весенний бал старшеклассников назывался тогда Весенней вечеринкой. Моя мама на этой вечеринке выглядела такой красивой и такой юной, и волосы у нее были цвета имбирного пива. В жизни я никогда не видела у ее волос такого цвета, только на фотографиях. Может, это и прозвучит вульгарно, но мой отец на этих старых фотках выглядел настоящим красавцем, просто-таки мачо, высоким, стройным, загорелым с темными волосами и еще более темными бровями. Он стоял, сложив руки на груди, задрав подбородок, слегка расставив ноги и излучая полную уверенность в себе. На некоторых снимках я увидела своих бабушку и дедушку и прабабушку и прадеда – все они были из рода Хьюиттов, семейства моего отца. Родители мамы умерли, когда она была еще совсем юной, и Хьюитты, можно сказать, удочерили ее, как только она начала встречаться с моим отцом.

Для прикола мы с Морган попытались симитировать наших матерей на старом фото, на котором обе они присели друг перед другом в чудных позах, похожих на реверансы. Потом миссис Дорси торопливо выбежала из дома и загнала свою машину в гараж, чтобы мы с Морган не промокли под дождем, когда будем в нее залезать.

В эти минуты бушующая за окнами буря казалась нам не страшной, а просто доставляющей некоторые неудобства, хотя, именно готовясь к ней, мы на всякий случай нарастили берег реки с помощью мешков с песком.

Наши нынешние приготовления носили другой характер. Мы обе думали сейчас, как благополучно добежать от машины до школьного спортзала, где должен был проходить бал. На Морган была куртка, поверх нее дождевик, а сверх того еще резиновые сапоги и такого же цвета зонт, а свои серебристые туфельки на высоких каблуках она спрятала в пластиковый пакет. К тому же ей пришла в голову гениальная идея подоткнуть свою длинную юбку с помощью надетых на бедра широких резинок, чтобы она не волочилась по лужам. Я облачилась в свою зимнюю куртку и тоже обулась в резиновые сапоги и прикрылась зонтом, а свои одолженные у Морган золотистые босоножки засунула в карманы.

Когда мы выезжали из гаража, я была сама не своя от волнения. Я предвкушала, как пойду на Весенний бал, с того самого дня, когда поступила в старшие классы средней школы. Но тогда я думала только о том, что приду на него со своими двумя ближайшими подругами и мы будем танцевать всю ночь напролет, отрываясь по полной, и снимем при этом миллион фоток.

Мне хотелось всего этого по-прежнему, но теперь я желала и чего-то еще. Чего-то, что еще какую-то неделю назад казалось мне совершенно невыносимым и недостижимым, а теперь вдруг сделалось доступным и близким. И хотя из-за дождевых туч я не могла сейчас видеть звезды, у меня было такое чувство, что они волшебным образом расположились так, чтобы принести мне удачу.

* * *

Весенний бал должен был начаться ровно в семь вечера, но без четверти восемь и мы с Морган, и большая часть других старшеклассников все еще сидели в своих машинах с работающими моторами и разрывающими серую мглу включенными фарами, ожидая, когда дождь хоть немного стихнет, чтобы во все лопатки добежать до спортзала. Я никогда еще не видела, чтобы так лило. Из-за этого ливня было трудно даже разговаривать, так оглушительно он барабанил по крыше машины Морган. И я была этому рада, потому что, по правде говоря, слишком нервничала, чтобы разговаривать.

Джесси пока нигде не было видно. Когда он доберется сюда? Что произойдет между нами этой ночью? Те два сообщения, которые он мне сегодня прислал, были для меня все равно что ингалятор для больного астмой – они помогали мне дышать. Должно быть, я просмотрела их нынче сотню раз.

– Кили.

– Что?

Морган ласково отвела в сторону мою руку, которую я, не отдавая себе в этом отчета, прижимала к губам.

– У тебя отслоится лак на ногтях еще до того, как мы попадем внутрь.

В восемь часов школьный сторож открыл двери спортзала и подпер их снаружи, чтобы они не закрылись от ветра, как будто только это мешало нам войти. Я видела, что творится в спортзале, только урывками, в те мгновения, когда «дворники» на ветровом стекле машины Морган сметали с него пелену воды. Тренер Дин принес из раздевалки несколько полотенец и расстелил их на паркетном полу. Остальные взрослые, которые должны были следить за поряд-

ком: мистер Лэндо, мисс Кэй, директриса Банди, – какое-то время стояли кружком и разговаривали, потом принесли раскладные стулья и, усевшись на них, принялись молча скучать. Внутри было совсем мало старшекласников – только те, кто входил в комитет по организации балов, вроде Элизы, и те девушки и ребята, которых их родители подвезли к самым дверям. Кто-то выстроил на столе для еды пирамиду из банок с газировкой, несколько парней гоняли по пустому танцполу мягкий поролоновый мяч, а две девушки покачивались в такт музыке, которая нам была не слышна.

Все остальные ребята угодили в ловушку.

В хреновом положении оказались все, но думаю, особенно отстойно чувствовали себя мы, девушки, потому что парни были одеты в свои повседневные брюки цвета хаки и рубашки на пуговицах, ничего особенного, а вот девушки разоделись в пух и прах. К тому же мы были одеты так, как положено одеваться в погоду, которая обычно бывает в мае, а не в такую, которая стояла на дворе сейчас. А значит, регуляторы подогрева в наших машинах были в эти минуты повернуты вниз, в сторону наших голых ног, бронзовых либо от автозагара, либо от ультрафиолетовых лучей в солярии, но никак не от весеннего солнца. Они уж давно потеряли всякую чувствительность от холода. К тому же мы сбрызнули себя слишком большим количеством духов, благоухающих ароматами цветов или свежее испеченных бисквитов, потому что после зимы воздух в нашей школе все еще пах перегретыми металлическими батареями.

А хуже всего было то, что надетые нами на бал самые красивые весенние платья были сейчас скрыты под зимними куртками и пальто.

Моя удлиненная пуховая куртка с капюшоном выглядела отнюдь не лучшим образом после двух лишних месяцев носки. Я потеряла от нее пояс, который прежде не давал ей смотреться как спальный мешок с рукавами. К тому же ее давно было пора постирать, но я боялась, что она не выдержит прокручивания в барабане стиральной машинки. Уже сейчас, стоило мне сесть, из ее швов вылезали перья, как будто я была не шестнадцатилетней девушкой, а линяющим гусем.

Скоро мы все узнаем, что частично виной тому, что случилось позже, были эти самые холода. Земля так и не оттаяла после зимней стужи и оставалась промерзшей на пять дюймов в глубину и твердой, как бетон. Так что дождю просто было некуда деваться, не во что впитываться. В то время я этого еще не знала, а если бы и знала, мне, наверное, было бы это тогда неинтересно. Меня тогда бесило одно – то, что сейчас я вынуждена прятать под курткой свое платье.

Морган уронила голову на руль:

– А что если он не перестанет? Как ты думаешь, они отменяют бал и разошлют нас по домам?

Я тоже этого боялась, но затрясла головой, как будто сама мысль о таком исходе казалась мне нелепой:

– Нет уж! Банди же не слепая, она видит, что мы все ждем здесь. И нам совсем необязательно дожидаться, когда дождь перестанет совсем, просто нужно, чтобы он хоть немного стих.

В то время как я с течением времени приходила во все более и более радостное возбуждение, с Морган происходило прямо противоположное. Я была похожа на бутылку с газировкой, которую все время трясут, увеличивая количество пузырьков газа, а из подружки газ, казалось, наоборот, постепенно улечивался, так что скоро его не останется совсем.

Изначально Морган собиралась надеть свое платье, приготовленное к Весеннему балу, еще и на выпускной вечер в школе Уэса. Темно-зеленое, без бретелек, оно открывало плечи, имело плетеный прилегающий корсаж с вырезом в форме сердечка и пышную длинную юбку, доходящую до земли. Я боялась, что оно будет слишком похоже на наряд, однозначно надеваемый только на выпускной, но сегодня моя подруга просто надела к нему другие аксессуары, заменив сверкающие украшения из горного хрусталя на свою повседневную серебряную под-

веску в форме подковы и вдев в уши крошечные сережки-колечки. При этом она наложила на лицо совсем легкий свежий макияж, ограничившись мерцающими тенями, тушью и клубнично-алым блеском для губ. В этот вечер Морган так гордилась своим видом, но теперь ей наверняка стало казаться, что она только зря старалась.

Я очень надеялась, что ниже градус ее настроения уже не опустится.

– Ты сегодня такая красивая, что я подумываю, а не послать ли мне Джесси куда подальше и не лечь ли сегодня в постель с тобой, – засмеялась я.

Морган улыbnулась грустной, вымученной улыбкой.

Как только мы доберемся до спортзала, я сделаю все, чтобы Морган стало весело. Может, попросить диджея посвятить ей какую-нибудь нелепую детскую танцевальную песенку, чтобы она смутилась. А потом я что-нибудь придумаю, чтобы поднять ей настроение и помочь забыть Уэса. При нынешних обстоятельствах это самое малое, что я могу сделать для своей лучшей подруги.

Лежащий у нее на коленях мобильник зазвонил.

– Это Элиза, – сказала она. – Говорит, что поперек Бэйсин-стрит упало огромное дерево и всех, кто там проезжал, отправили в объезд.

Я чуть-чуть опустила стекло, чтобы вдохнуть хоть немного свежего воздуха, но в машину тут же занесло косой дождь, и я вновь подняла стекло. Затем я сама послала Элизе сообщение, чтобы спросить, не придавило ли это упавшее дерево какие-нибудь машины. Собственно, меня интересовало, не придавило ли оно случайно черный «хетчбэк» вроде того, на котором ездил Джесси, но я сформулировала свой вопрос более общо.

«Насколько мне известно, нет, – написала мне Элиза. – Но оно, похоже, порвало несколько проводов электросети. Телевизионщики уже прибыли на место и установили свои дурацкие камеры».

Начиная с того самого дня, когда мы уложили вдоль реки мешки с песком, журналисты из новостных каналов постоянно появлялись в нашем городе на своих грузовичках, предвкусывая сегодняшнюю бурю. Они парковали свои автомобили, наполовину заехав в кювет, и оттуда операторы снимали, как журналисты стоят на берегах нашей речки, нацепив рыбацкую амуницию, и наблюдают, как вода все ближе и ближе подбирается к мешкам с песком, которые уложили мы. Для меня это стало чем-то вроде игры – всякий раз, когда мы проезжали мимо них, я тянулась к клаксону Морган и сигналила или орала на них из ее окна, чтобы испортить им кадр.

Я представляла себе Джесси Форда, застрявшего в заторе на Бэйсин-стрит, и была практически уверена, что на Весенний бал он наденет какой-нибудь классный прикид, что-нибудь этакое, что выделит его из толпы остальных парней. Вроде резиновых шлепанцев и галстука-бабочки. А может быть, он, наоборот, нарядится по полной программе и придет в смокинге, то ли взятом напрокат, то ли купленном в каком-нибудь секонд-хенде, где продаются шмотки в стиле ретро. Это было бы так в стиле Джесси!

Дождь полил так сильно, что «дворники» уже едва справлялись с потоками воды, и Морган отключила их, то ли для того, чтобы сэкономить бензин, то ли для того, чтобы не было чрезмерной нагрузки на аккумулятор, то ли зачем-то еще. После этого мы уже почти ничего не могли разглядеть. Морган до отказа откинула назад спинку своего сиденья. Синяя ткань на потолке машины отклеилась и провисла. Образовавшиеся воздушные карманы стали похожи на провалившийся шатер цирка шапито. Морган провела по ним кончиками пальцев, и они заколебались, точно морские волны. Машина была старой, она принадлежала отцу подружки. Это было единственное, что он оставил им с матерью после того, как свалил из города в прошлом году.

Морган была подавлена. Это было видно по тому, что она все время вздыхала и то и дело просматривала погодное приложение на своем телефоне. И в этом она была не одинока. На экране моего мобильного то и дело появлялись жалобные сообщения от девочек из нашего

класса о том, в каком невыносимом положении мы все оказались. О том, что с них хватит и их терпение подходит к концу. К этому времени наше ожидание продолжалось уже больше часа.

И я решила, что попробую их всех расшевелить. Сделаю так, чтобы девчонки не падали духом и были в полной готовности для того, чтобы начать зажигать. Я несколько раз сфоткала Морган и себя и начала обмениваться фотографиями с Элизой и прочими нашими школьными подругами, застрявшими в своих машинах в других рядах на стоянке. Понятное дело, увидеть платья друг друга мы не могли, так что в основном пришлось хвастаться друг перед другом прическами и макияжем, но и это было уже что-то. В Эбердине у людей было в общем-то мало случаев для того, чтобы принарядиться. Разве что для посещения церкви, но мои домашние туда не ходили.

Потом я убедила всех девчонок настроить стереосистемы своих машин на одну и ту же радиостанцию, чтобы представить себе, будто мы все вместе находимся в спортзале. Сначала мы протанцевали, ерзая на сиденьях по мере сил, под две или три песни, но потом реклама и частые прогнозы погоды так всех достали, что в конце концов мы выключили радио.

После этого, заметив перышко, вылезшее из моей пуховой куртки и воткнувшееся в цветок маргаритки на кружевном платье, я уговорила Морган начать дуть на него, так чтобы оно летало по всей машине туда-сюда, как летает мячик при игре в пинг-понг. Оно перелетало от Морган ко мне и от меня к Морган, пока мы не дошли до шести раз, но на седьмой раз у нас ничего не вышло, и мы бросили это дело. Я втянула ладони в рукава куртки, чтобы согреть их опять, и попыталась придумать какой-нибудь другой способ убить время.

Внезапно сильно ударила молния, и все на парковке на миг осветилось.

– Надеюсь, мы сможем добраться домой, – нервничая, сказала Морган. – И кстати, подкрась губы, а то помада уже почти стерлась.

До этого вечера я никогда не пользовалась такой яркой губной помадой, но сегодня Морган настояла, чтобы я позаимствовала ее у нее. Ее цвет пришелся мне по душе, потому что напомнил мне розовые азалии, которые росли вокруг нашего дома. Сейчас они должны были бы полностью расцвести, но в этом году на их ветках не было даже бутонов. Из-за холодов и дождей нынешняя весна получилась странной. Можно сказать, что она так и не пришла.

Я осторожно наносила помаду на уголки своих губ, когда мой телефон звякнул. Прежде чем я успела просмотреть сообщение, Морган отобрала у меня мобильник и сказала:

– Сначала закончи то, что начала.

Я так торопилась, что размазала остаток помады по лицу.

– Это от него?

– Хм... – протянула Морган и вместо телефона протянула мне бумажный носовой платок. – Сначала вытрись.

Я вырвала у нее и носовой платок, и телефон, торопливо провела платком по нижней губе, к которой он и прилип, и прочла сообщение:

«Эй, на палубе! Как ты там, подружка?»

Морган осторожно отлепляла бумагу от моей губы, пока я писала ответ:

«Сто акул тебе в глотку! Где тебя черти носят?»

Я нажала «Отослать», прежде чем Морган успела мне помешать, потому что знала: она не одобрит флирта, если он будет вестись на жаргоне, которым в фильмах пользуются пираты.

«Посмотри в окно».

Я потеряла запотевшее от сконденсировавшейся влаги окно, и получился корабельный иллюминатор. Машина Джесси стояла на соседнем парковочном месте и была под завязку набита парнями из футбольной команды выпускного класса. Думаю, на заднем сиденье их было человек пять. Точно я бы сказать не могла, потому что окна его машины запотели, все, кроме его собственного, которое явно было недавно протерто. Несколько из сидящих в машине ребят

принялись трясти и раскачивать ее, словно во время бурного секса. Джесси сделал большие глаза, всем своим видом показывая: «Вот идиоты!»

Я сочувственно улыбнулась и постаралась не подать виду, что ужасно нервничаю.

Джесси снова стер со своего окна влагу и несколько раз моргнул, пытаясь рассмотреть, как я выгляжу.

Понравится ли ему мой макияж? Поймет ли он, как я ради него старалась? Но старалась не так, как в тот день на реке, еще до того, как у меня появилась хотя бы малюсенькая надежда и я готова была сморозить все что угодно, лишь бы его рассмешить. Сегодняшние мои старания казались мне куда более откровенными, чем тогда, и куда более вгоняющими в краску.

Джесси усмехнулся, а потом прижал свой розовый язык к стеклу и размашисто лизнул его, глядя прямо на меня, словно какой-нибудь долбаный золотистый ретривер.

И я, ни секунды не раздумывая, тоже прижала язык к стеклу и понарошку лизнула Джесси в ответ, но это длилось лишь секунду, потому что Морган тут же оттащила меня от окна, визжа:

– Кили! Фу!

Мое сердце неистово билось.

Морган достала из кармана еще несколько салфеток:

– Будь добра, сотри с окна свои слюни и следы помады!

Я уже собиралась это сделать, когда Джесси написал мне:

«Эй, это что, был наш первый поцелуй?»

А потом добавил: «Высуни язык»

Меня словно ударило током. Это было самое сексуальное сообщение, которое он когда-либо мне посылал.

«Я мигом. У меня проблемы», – ухитрилась написать я, хотя Морган терла мое лицо салфетками и при этом твердила, что теперь я должна вымыть ее машину.

Джесси ответил: «У меня тоже. Зито только что пернул и провонял всю машину».

Я рассмеялась: «Фу! Вытолкай его вон!»

– Кили, что он тебе пишет?

«И дать ему утонуть прямо на школьной парковке? Говно я тогда буду, а не друг!»

«Говно – это самое подходящее слово, – ответила я. – Вы, ребята, будете теперь пахнуть анальными газами Зито. Так что держитесь от нас подальше!»

«Значит, ты сегодня вечером со мной не потанцуешь?»

Морган начала меня трясти.

– Не делай вид, что меня тут нет, – обиженно сказала она.

– Ладно, ладно, прости! – усмехнулась я. – Только дай мне еще минутку!

Я как раз пыталась придумать какой-нибудь ответ, когда Джесси написал: «Угу. Думаю, нам лучше вернуться в берлогу Зито. Скинь мне фотку того чувака, который быстрее всех добежит до входа, если вы вообще туда доберетесь».

– Эй, что случилось? – спросила Морган. – Почему у тебя вдруг сделалось такое лицо?

Я повернулась к ней и попыталась выдавить из себя улыбку.

– Джесси уезжает, – потрясенно вымолвила я.

Морган затрясла головой из стороны в сторону быстрее, чем ходили туда-сюда по ветровому стеклу «дворники» ее машины.

– Нет, нет, нет, Кили, нет! Заставь его остаться!

Вдохновленная ее уверенностью, что это возможно, я вытерла свои вспотевшие руки о голые коленки и быстро написала: «Ты это серьезно?» А когда он не ответил сразу, в отчаянии добавила: «Вы, слабаки, только что приехали сюда и уже сбегаете?»

«Я не собираюсь погибнуть в этой газовой камере, ожидая момента, когда можно будет попасть на школьные танцульки».

Воздух сотрясся от гулко-го раската грома. Мы ждали начала Весеннего бала уже полтора часа. Джесси собирался уехать, и тогда Морган наверняка захочет отчалить тоже, потому что в основном она была здесь ради меня. Мы не могли сидеть в машинах и ждать вечно. В конце концов бал просто отменят.

В этот миг я вдруг увидела свое отражение в зеркале заднего вида и поняла, что такого шанса, как сегодня, больше не будет. Джесси был уже в выпускном классе, он вот-вот закончит школу и уедет бог знает куда. На этот счет до меня доходили самые разные слухи, от пересудов о том, что ему дают стипендию как футболисту, до толков, что он собирается переехать в Калифорнию, чтобы стать актером. Мои подруги не водили компанию с его друзьями, к тому же к концу школьного года ученики выпускного класса старались держаться вместе и общаться в своем кругу.

Но главное, я чувствовала, что никогда больше мне не удастся выглядеть такой красивой, как сейчас. Сейчас был мой звездный час. На некоторых людей такое прозрение подействовало бы угнетающе, но только не на меня. Я была рада, что достаточно хорошо знаю свои достоинства и недостатки, чтобы понимать: сейчас или никогда. И это сознание придало мне мужества сделать то, что я сделала в следующую минуту. Нынешняя буря и то, что случилось с Эбердином потом, заставили всех нас проявить мужество, и притом не раз. Но сегодня это случилось впервые.

– У меня есть идея, – сказала я и скинула одно и то же сообщение Джесси, нескольким моим подругам и Морган.

Телефон в руке подруги звякнул, и она прочла мое сообщение вслух:

«Предлагаю всем пробежаться до спортзала. Старт ровно в 20.26. Кто “за”?»

Морган повернулась ко мне, удивленно округлив глаза:

– Эй, погоди. Я имела в виду совсем не это.

– По-моему, дождь стихает!

Пока я это говорила, над нашими головами снова прогремел гром.

– Ты что, обалдела? Да сейчас льет еще сильнее, чем раньше! Ты слышала, что сказала Элиза? Ветер валит деревья! Люди сидят без электричества! А тут еще и гром, и молнии, и залившая парковку вода! Да нас всех может убить!

Я сжала колено Морган:

– А разве это не самый классный способ отдать концы?

– Как же! – усмехнулась Морган. – Умереть от удара током в луже! Это будет ужасный конец, Кили. Может быть, самый худший.

Мы обе посмотрели на приборную доску. Часы показали 20.25 и погасли, потому что я вырвала мотор и выдернула ключи из замка зажигания.

Подруга вздохнула:

– Почему ты вечно впутываешь меня в такие вот ситуации?

Я с шумом втянула ртом воздух и взглянула на Морган, гадая, не выпад ли это в мой адрес, не упрекает ли она меня за ту роль, которую я сыграла в ее разрыве с Уэсом. Но это было не так. Она, улыбаясь, натянула на голову капюшон дождевика и взяла в руки зонт.

Мы были готовы.

Я тоже подняла капюшон и попыталась подоткнуть выглядывающий из-под парки короткий подол моего платья в надежде уберечь его от разгула стихий.

– На счет «три», – сказала я и тут же ухмыльнулась: – Три!

– Ах ты паршивка! – взвизгнула Морган.

Я распахнула пассажирскую дверь и тут же, еще не выходя из машины, раскрыла зонт, чтобы получился своего рода навес. Но дождь словно сошел с ума, он начал хлестать внутрь машины. Морган вскрикнула, я тоже, но теперь было уже слишком поздно, и нам оставалось одно – вылезти на улицу, захлопнуть двери и со всех ног бежать в спортзал.

Мы помчались по парковке, как испуганные олени. Встречный ветер плотно прижал мою куртку к груди, дождевик Морган приподнялся, хлопая сзади, как пластиковый пакет. На бегу я то и дело оглядывалась, пытаюсь разглядеть, вылезли ли Джесси и его друзья из своей машины, но я могла бы с тем же успехом стараться рассмотреть что-либо, глядя сквозь водопад.

Может быть, ребята уже свалили к Зито.

Я изо всех сил вцепилась в свой зонт, который ветер свирепо пытался вырвать из моих рук, и старалась ступать осторожно, но быстро. Но избежать луж было невозможно, и в некоторые из них я проваливалась по щиколотку. Мои резиновые сапоги промокли, а ветер рвал куртку со всех сторон.

Потом я наконец услышала, как, мчась за нами, вопят и улюлюкают Джесси и его друзья, при этом двое или трое из них громко выкрикивали мое имя. Голос Джесси звучал громче всех, и от него я вся шипела и искрилась внутри, словно провод под напряжением, попавший в громадную лужу.

У дверей спортзала стояли учителя, потрясенные нашей выходкой, и кричали нам, чтобы мы были осторожны. Машины, между которыми мы пробегали, были полны людьми, палившимися на нас сквозь свои ветровые стекла как на сумасшедших. Я и впрямь чувствовала себя сумасшедшей. И мы все вопили и смеялись над своим безумием.

А потом кто-то остановил мой бег.

– Потанцуй со мной, Кили! – заглушая рев ветра, крикнул Джесси.

С кончика его носа лила вода – у этого олуха не было ни зонтика, ни куртки. Его белая рубашка уже сделалась прозрачной и липла к груди, серые брюки стали до колен черными от влаги, в его коричневых водонепроницаемых мокасинах хлюпала вода.

В его прикиде не было ничего глупого или комического. Он по-настоящему принарядился, так же, как и я.

Я попыталась притянуть Джесси к себе, закрыв своим зонтом нас обоих:

– Перестань, ненормальный! Мы же уже у самых дверей!

Но парень схватил меня за подмышки, оторвал от земли и закружил. Вода разлеталась вокруг нас тысячами брызг, словно фейерверк, потому что Джесси изо всех сил топал ногами. Порыв ветра вцепился в мой зонт, вырвал его у меня из рук, и он, кувыркаясь, покатился по парковке, пока не ударился о забор из сетки-рабицы, которым был огорожен наш стадион.

– Кили! – крикнула стоявшая в нескольких футах от нас Морган.

Ветер вывернул ее зонт наизнанку, но она все равно улыбалась, такая же счастливая, как и я, а потом вбежала в спортзал.

Все, кто успел забежать внутрь, толпились в дверях, чтобы посмотреть на меня и Джесси, и, показывая на нас пальцами, аплодировали, когда он меня кружил. Ребята и девушки в машинах давили на клаксоны и то включали, то отключали фары дальнего света.

Джесси перегнул меня назад в талии, как тряпичную куклу, и по моему запрокинутому лицу забарабанил дождь.

Стоит ли говорить, что я промокла до нитки. Я чуть было не заорала, чтобы Джесси остановился и поставил меня, черт возьми, на землю. Но когда я выпрямилась и оказалась с ним нос к носу, глаза его сияли так ярко, улыбка была такой ослепительной, а кожа такой скользкой и блестящей, что я обвила его руками и велела ему покружить меня еще, все быстрее и быстрее.

Это и впрямь происходило наяву. Джесси и я были вместе, и это было правдой.

Глава 6. Суббота, 14 мая

ГОВОРIT СИСТЕМА ОПОВЕЩЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ. Объявляется усиленное наблюдение за грозовой обстановкой в течение всей ночи в следующих районах: графстве Эбердин и городской агломерации Уотерфорд-Сити. В течение всей ночи ожидается сильный проливной дождь с порывами ветра, достигающими до двадцати миль в секунду.

Когда мы с Джесси вошли в спортзал, все расступились, аплодируя, словно это была наша свадьба. Мы с ним держались за руки и хохотали до упаду. Диджей сразу же врубил музыку на полную громкость, и несколько девчонок выбежали на танцпол, чтобы потанцевать.

Бал открыли мы. Официально.

Я повернулась, чтобы сказать это Джесси, но поскользнулась. Тренер Дин подхватил меня, не дав мне упасть:

– Осторожно, Кили. Здесь везде скользко.

Я увидела, как Джесси скрылся в мужской раздевалке. Наверное, он хочет немного просушиться, подумала я. Бедняга так промок, что хоть выжимай. Я сунула руки в карманы за своими золотыми сандалиями на каблуках, но нашла только одну из них. Мчась к распахнутым дверям спортзала, я еще два раза чуть не поскользнулась. Вторая сандалия, наверное, выпала тогда, когда Джесси кружил меня в танце. Я поискала ее глазами на парковке, но увидела только мерцающую воду – мелкое озерцо, которое с каждой секундой становилось все глубже.

– Я не могу выпустить тебя обратно, Кили, – предупредил меня тренер Дин. Я попыталась было с ним спорить, но он отвел меня в сторону и крикнул другим парням и девушкам, которые, следуя нашему примеру, бежали под дождем в спортзал: – Осторожнее! Притормозите!

Качая головой, он поспешил к директрисе Банди, явно желая что-то ей сказать, но она к одному уху прижимала свой телефон, а другое закрывала рукой, чтобы лучше слышать.

Но тут меня окружили девушки, хором твердя, как нереально романтично мы танцевали с Джесси под дождем, словно кинозвезды в фильме. Тут были Эмма, с которой я вместе ходила на вторую ступень алгебры, Триш, с которой я вместе готовила уроки, Джун, чей шкафчик в раздевалке соседствовал с моим. Все девчонки аплодировали мне и называли меня самым ценным игроком в команде Весеннего бала.

– Эй, Кили! Улыбнись для школьного альбома!

Хотя на мне не было ни одной сухой нитки и у меня стучали зубы, я улыбнулась своей самой веселой улыбкой и, слегка обалдев, дала добро Дэвиду, парню, который держал фотоаппарат наготове, желая сделать мою фотографию. К счастью, благодаря бушующему в моей крови адреналину я пока не чувствовала холода.

Проскользнув сквозь толпу, ко мне приблизилась Морган. Она тоже промокла, но все же не так, как я. В руке у нее была пачка салфеток. Я, дрожа, взяла у нее полпачки и сказала: – Извини, но я, кажется, потеряла одну из твоих золотых сандалий на парковке.

Все вокруг рассмеялись, как будто это была шутка.

По лицу Морган на мгновение, только на мгновение скользнула тень разочарования, но она тут же коснулась моей руки и сказала:

– Ничего. Мы вернемся сюда завтра утром и поищем ее.

Я огляделась по сторонам:

– А где Элиза?

– Пошла в кафетерий, чтобы принести бумажные полотенца. – Морган похлопала меня по спине и добавила: – Пойду сниму куртку. Встретимся в туалете.

– Заметано.

Я поспешила в туалет и, прежде чем открыть его дверь, по дороге дала пять еще нескольким ребятам и девчонкам.

Туалет был пуст.

Может быть, потому, что в нем было непривычно тихо, я наконец услышала, как с моей одежды на пол капает вода. Моя куртка тяжело отвисла, пух стал неподъемным, как свинец, и я слышала, как в моих дешевых резиновых сапогах хлюпает вода.

Я придвинула лицо к зеркалу. Мои волосы выглядели ужасно. Узел распустился, превратившись в бесформенный мокрый комок за левым ухом, а косички начали расплетаться. Я быстро вынула из волос заколки-невидимки и попыталась расчесаться пальцами, но пряди слипались от нанесенного на них лака. Тогда я повернулась к держателю для бумажных полотенец и начала быстро крутить его рукоятку, пока рулон тонкой оберточной бумаги не раскатался до пола. Я оторвала большой кусок и принялась начисто вытирать лицо, но бумага под моими пальцами немедленно расползлась на ошметки. Я начала было подводить глаза карандашом, но руки у меня так тряслись, что я бросила подводку обратно в сумку и решила, что только подкрашу губы и наложу на скулы немного румян.

В это время в туалет зашла Элиза с двумя рулонами бумажных полотенец. Настоящих белых бумажных полотенец, которыми люди пользуются у себя на кухнях. Они впитывали воду так же хорошо, как пляжные полотенца, и не шли ни в какое сравнение с той говнистой оберточной бумагой, что висела в нашем туалете.

– Слава богу, что ты их принесла, – сказала я. – По-моему то, что называется бумагой в этом туалете, это просто паршивый тонкий картон.

– А ты хоть и мокрая, но выглядишь неплохо.

– Ну, спасибо и на этом, – засмеялась я.

И тут сквозь облицованные плиткой стены до нас донеслась наша любимая песня, которую мы, скорее всего, будем крутить все лето. Мы завизжали и заторопились к выходу, сгорая от желания немедленно броситься в пляс.

– Пусть Банди только попробует не разрешить нам сегодня танцевать допоздна, – сказала я, доставая из сумочки помаду.

– Да! Да! Кили, ты просто должна ее упросить! – воскликнула Элиза, наклоняясь над одной из раковин.

– Ну да, как же! Банди ненавидит меня почти так же сильно, как ненавижу ее я.

– Не понимаю почему. Ведь тыходишь в список отличников каждый семестр.

Даже сейчас ненависть нашей директрисы ко мне кажется мне каким-то извращением. Я очень хорошо училась – в основном у меня были пятерки – и всегда входила в список отличников. И я всегда активно участвовала в работе школьной модели Конгресса – во всяком случае, до той истории с Ливаем Хемриком.

Я расстегнула молнию своего промокшего пуховика, подумала было положить его на батарею, чтобы он высох, но потом передумала и с размаха швырнула его на пол.

– С этой минуты, – торжественно объявила я, тыкая в него пальцем, – ты уходишь на заслуженный отдых. Да здравствует Весенний бал!

Элиза повернулась ко мне, и ее лицо вытянулось.

– Кили, иди сюда, и я посушу...

Войдя наконец в туалет и увидев меня, Морган прикусила губу. Она уже стащила с себя все свои верхние одежды, сняла с юбки поддерживавшие ее резинки и переобулась в свои серебристые сандалии. Она не была насквозь промокшей, как я. Ее прикид был просто немного влажным.

– Давай, Ки, сушишь.

Хотя всего в нескольких футах от меня на двери туалета висело зеркало, я не стала поворачиваться и смотреться в него. Мне это было без надобности. По тому, насколько я вся была

мокрой, я могла судить, как ужасно выглядит теперь мое платье. Одно дело волосы. Волосы вымокли у всех. Но мое платье...

– Пошли! – сказала я, бросаясь к двери туалета. – Я не хочу пропустить еще одну песню. – Я просто хотела выйти отсюда. Пойти обратно в спортзал. Обратно к Джесси.

Но Морган остановила меня:

– По крайней мере, посиди несколько минут под сушильным аппаратом. Ты не можешь пойти туда такой мокрой, с тебя просто течет.

Я не хотела сушиться, но понимала, что, наверное, придется, хотя бы для того, чтобы у меня был не слишком нелепый вид.

– Тогда идите танцевать хоть вы! Я выйду к вам через пару минут.

Морган и Элиза смотрели на меня, и лица у них были такие огорченные, что мне было трудно продолжать бодро улыбаться.

– Ну, наверное, я пойду поищу для нас столик, – сказала Элиза.

Я ткнула Морган локтем в бок, чтобы она пошла тоже, но подруга не обратила на мой тычок никакого внимания и, вместо того чтобы уйти, нажала на никелированную кнопку на сушилке для рук.

Я держала свое платье под струей теплого воздуха, натянув его, как парус.

Пытаясь смотреть на вещи позитивно, я сказала:

– Это самое романтичное из того, что случилось со мной за всю мою прошлую жизнь, и, наверное, из того, что случится в будущей.

Морган молча кивнула. Она запустила пальцы в мои волосы:

– Я сейчас быстренько заплету тебе на макушке французскую косу. Из-за всего этого лака, которым полила их моя мать, они не смогут красиво высохнуть, если не сделать этого прямо сейчас.

– О'кей, спасибо, – улыбнулась я подруге.

Когда сушилка для рук перестала гнать воздух, Морган включила ее снова, и я повернулась другой стороной, чтобы платье просохло во всех местах. Я чувствовала, как Морган стягивает пряди моих волос в тугую косу. Хотя я всячески и старалась на себя не смотреть, в глаза мне все-таки бросилось мое отражение в широкой никелированной кнопке, которая включала сушилку. Шелковая подкладка на моем платье начинала сморщиваться, пошла волнами, пятнами и перекосилась. И кружева тоже поменяли цвет – они уже не были светло-кремовыми. Высыхая, они приобрели жуткий оттенок, как будто на них только что пролили чай. Джесси так и не увидел меня в красивом платье.

– Не бери в голову, – сказала Морган. – Мы найдем химчистку, которая вернет платью пристойный вид. Даже если ради этого нам придется ехать до самого Уотерфорд-Сити.

Закусив губу, я кивнула. На миг мое сердце сжалось от огорчения, но я тут же мысленно встряхнула себя, как встряхивается промокшая собака.

Я поняла, что есть только один способ спасти то, что еще осталось от моего платья, и оправдать вбуханные в него моей мамой деньги – это отлично провести время. Вот это я и попытаюсь сейчас сделать. На такие вещи я всегда смотрела просто.

* * *

Когда я только что вошла внутрь с улицы, я не обратила внимания на сегодняшнее убранство нашего спортзала, но теперь, войдя в него снова, увидела, что он выглядит потрясающе. То есть он по-прежнему выглядел как спортзал, но комитет по организации бала очень постарался, чтобы его украсить, хотя бюджет на эти цели у них был более чем скромный. Я отметила про себя, что надо будет сказать об этом Элизе и похвалить ее за созданный ею прекрасный интерьер.

Все вокруг, включая перила трибун, было обмотано серпантинном из белой гофрированной бумаги, он украшал и дверной проем, маскируя вход в старый уродливый школьный коридор. Резкий свет закрытых проволочными каркасами потолочных светильников был приглушен, а обручи, оставшиеся от баскетбольных корзин, были обвиты гирляндами из крошечных цветных фонариков, которые, расходясь веером, тянулись по воздуху до противоположной стены. Обеденный стол был уставлен множеством угощений, среди которых были огромные сэндвичи из жареного хлеба с мясом, сыром, помидорами и перцем, различные чипсы. Там еще были вазы, полные шоколадных трюфелей, и куча банок газировки. Вся газировка была дешевая, нефирменная, но всем, и особенно ребятам, было все равно. Они готовы были пить что угодно.

Я была рада увидеть, что наш безумный бег под дождем вдохновил и других старшеклассников покинуть свои машины, потому что теперь в спортзале уже было куда больше народа, чем когда мы с Морган, Джесси и его друзьями первыми вбежали внутрь. Элиза застолбила нам столик, поставленный около зрительских мест. Я скинула свои резиновые сапоги и терлась босыми ступнями о паркетный пол, надеясь, что так они быстрее согреются. В моем шкафчике в раздевалке у меня была пара кроссовок, в которые я подумывала переобуться, но потом решила, что и остальные девушки в конце концов снимут с ног туфли, когда начнутся танцы.

Я поискала глазами Джесси и наконец увидела его у стены, рядом с которой были стопкой сложены борцовские маты. Он уже снял свою мокрую рубашку и брюки и переделся в зеленое с золотом борцовское трико, которые носили ученики эбердинской средней школы, и нарядные носки с узором из разноцветных ромбов, а также переобулся в мокасины. Думаю, это была единственная сухая одежда, которую он нашел. Я видела, что сквозь спандекс его трико просвечивают белые мужские трусы. Любой другой парень на его месте смотрелся бы в таком прикиде вульгарно, но не Джесси... Конечно же он выглядел красивым. Красивым и прикольным, мое самое любимое сочетание. И я была рада, что этим вечером Джесси, как и я, похоже, твердо настроился хорошо провести время, и к черту промокшие шмотки. Я попыталась встретиться с ним глазами, чтобы Джесси увидел, как я смеюсь, по достоинству оценив его новый прикид, но он все время либо говорил с друзьями, либо позировал с разными девушками, подходившими к нему, чтобы сфоткаться вместе на свои телефоны.

Диджей поставил быструю песню. Я хотела было остаться за столиком и подождать, когда Джесси заметит, что я вернулась в спортзал, но это было бы беспонтово. Пусть лучше он увидит, как я зажигаю на танцполе. И я сказала своим подругам:

– Пойдем оторвемся.

Элиза сразу вскочила, но Морган скривила лицо:

– Может, я и потанцую, когда заиграет какая-нибудь другая песня или...

Однако я схватила подругу за руку и силой вытащила на середину баскетбольной площадки.

После того как отзвучало несколько песен, я и думать забыла о дожде. Я была слишком занята танцами. Элиза в основном просто раскачивалась из стороны в сторону в такт мелодии, но мы с Морган учились танцевать еще у нее в подвале, когда были маленькими, и ловко умели проделывать различные коленца, которые я в конце концов заставила ее повторять сейчас на пару со мной. Я всегда завидовала тому, что Морган берет уроки танцев у профессионала, но она постоянно одалживала мне свои костюмы и разучивала со мной все танцевальные па, так что в конечном счете можно было сказать, что я брала уроки танцев вместе с ней. Мы даже устраивали вдвоем представления для ее бабушки.

Хотя я сейчас лихо отплясывала в самом центре зала, всякий раз, когда оканчивалась очередная песня, я ожидала, что сейчас ко мне подойдет Джесси и пригласит меня на танец. Но он все не подходил, и я начинала подумывать о том, чтобы подойти к нему самой и просто потащить его танцевать. Неужели я и впрямь могла так осмелеть?

Но тут начинали играть новую песню, и мы все хором принимались визжать, потому что это всякий раз была та самая композиция, которую мы хотели услышать именно в этот момент. Думаю, из-за того что вечер начался с опозданием, диджей все время ставил зажигательные песни, чтобы мы могли танцевать до упаду, и даже не пытался вклинить между ними какую-нибудь медленную мелодию, за что я была ему благодарна. Под конец группа девчонок из одиннадцатого класса образовала круг и постепенно начала выталкивать меня в его середину. Я пыталась заставить Морган откалывать там коленца вместе со мной, но она каждый раз находила предлог, чтобы отвертеться и отодвигалась к краю круга. Я надеялась, что Джесси сейчас наблюдает за тем, как здорово я танцую.

Наконец заиграла медленная песня. Я притянула к себе Морган, но она вырвалась из моих объятий.

– Кили, – тихо прошептала подружка, – он идет. – И торопливо бросилась к нашему столику, прежде чем я смогла ее остановить.

Передо мною стоял Джесси, по-прежнему облаченный в борцовское трико.

– Ты смотришься в нем просто дико, – сказала я, но конечно же, говоря это, я улыбалась.

– Дико... сексуальным? – Джесси взял меня за руку и повел в центр площадки.

Самым курьезным было то, что Джесси и впрямь выглядел именно таким. Красивым, уверенным в себе, забавным, и, боже мой, он и впрямь мог классно станцевать рок-композицию даже в этом нелепом трико.

Джесси положил руки мне на талию, найдя маленькие углубления на бедрах так быстро и уверенно, что от волнения у меня захватило дух. Я подняла руки и опустила их на плечи парня. И мы начали медленно раскачиваться из стороны в сторону, перенося свой вес с одной ноги на другую.

Поначалу между нами оставалось немало пространства, но по мере того, как Джесси раскачивался то туда, то сюда, он придвигался все ближе ко мне, а я к нему, пока наши тела не прижались друг к другу. Было заметно, что он недавно постригся – кожа под кромкой его волос была розовой, и оставшиеся на ней короткие волоски сверкали, как крошечные кусочки золотых нитей.

Джесси наклонился к моему уху и шепнул:

– Кажется, получается скучновато по сравнению с тем нашим танцем под дождем, а?

Я покачала головой. По-моему, эти минуты были еще более романтичными, чем тот танец на парковке. Сейчас я впервые танцевала настоящий медленный танец с парнем, которого обожала всю жизнь. И я надеялась, что он не чувствует, как я дрожу.

– Ты сейчас смотришь на меня во все глаза, – сказал Джесси.

– Вовсе нет, – пробормотала я.

Но я и впрямь не могла отвести от Джесси взгляда, а он также пристально смотрел на меня. Я больше так не могла. Мне жутко хотелось, чтобы он меня поцеловал, прямо здесь и сейчас, пока мы танцуем и все за нами наблюдают, даже если за это директриса Банди, возможно, выгонит нас обратно на улицу, туда, где бушует буря.

– Ты знаешь эту песню? – спросил Джесси.

Я покачала головой. Вместе с исходящим от него запахом дождя я почувствовала аромат его одеколона, отдающий кокосовой стружкой и немного пряный.

– Я тоже ее не знаю. Думаю, она очень старая. Может быть, ее сочинили еще до того, как мы родились. – Джесси прочистил горло. – Во всех медленных старых песнях есть соло на саксофоне. Ты это когда-нибудь замечала? Как будто это был обязательный элемент. – Я была поражена, потому что вдруг поняла, что сейчас Джесси тоже нервничает. Я поняла это по его голосу, уловив в нем едва-едва заметную дрожь, которую мой слух смог различить только потому, что я находилась от парня совсем близко. Меня охватил восторг. А Джесси продолжал путано говорить, все более волнуясь: – Знаешь, ведь выражение «медленный танец» –

это оксюморон. Потому что разве его вообще можно назвать танцем? Настоящим танцем? Он больше похож на топтание на месте. Или если бы мы были...

– Пожалуйста, заткнись, – прошептала я. – А то ты перестанешь мне нравиться. – И я рассмеялась, потому сказала сейчас абсолютную глупость, ведь в этот же самый миг я поняла – какая-то часть моего сердца будет любить Джесси вечно. Это был миг, который я буду помнить до самой смерти.

– погоди-ка! Стало быть, я тебе только *нравлюсь*? Только и всего? – спросил Джесси и чуть-чуть отстранился, делая вид, что оскорблен.

Я прикусила нижнюю губу и сделала большие глаза:

– Ну, хорошо. Я признаюсь... – Я чуть-чуть повернула голову набок и положила ее Джесси на грудь. – Я люблю тебя, Джесси Форд.

Я собиралась сказать это словно в насмешку, однако мой голос прозвучал как-то очень ясно, тихо и беспредельно искренне. Я заметила эту искренность в своем тоне, и Джесси наверняка тоже. Я почувствовала, как внезапно напряглось его тело, но даже если бы это было не так, мои щеки вспыхнули, и Джесси конечно же ощутил их горячее прикосновение к своей прохладной коже, так что я выдала себя с головой.

А потом все произошло так стремительно, что я даже не успела ни о чем пожалеть. Неожиданно, как гром среди ясного неба, мое тело резко откинулось назад, и огни над моей головой стремительно промелькнули, словно падающие звезды. Это был вовсе не медленный романтический наклон назад, скорее было ощущение, будто мне пытаются сломать спину и шею.

Когда я снова выпрямилась, руки Джесси отпустили меня, и я лишь через секунду поняла, что со мной происходит. Мы с Джесси вдруг перестали медленно танцевать, хотя из динамиков по-прежнему лилась все та же медленная песня. Он согнул ноги в коленях и толкнул меня бедром, как в хоккее, и я невольно отлетела в сторону. Потеряв равновесие, я попыталась было обрести его вновь, но тут Джесси вдруг расставил ноги, ткнулся пахом в мою голую ногу и вдавил в нее сзади свой член, словно в такт несуществующему ритму. Он действовал жестко, почти так, будто я была членом футбольной команды противника, у которого он пытался отобрать мяч. К несчастью, я была к этому не готова, а Джесси ни о чем меня не предупредил, потому что, предупреди он меня, я бы ни за что не упала.

Когда я растянулась на полу, наблюдавшие за нами танцоры ошеломленно ахнули. Я явственно слышала их удивленный ропот, потом раздался смех. Потрясенная, я уставилась на Джесси, но он только улыбался во весь рот, устремив на меня зазывный, многообещающий взгляд и маня пальцем, как будто приглашая снова встать на ноги. Потом он открыл рот и что-то сказал, но я его не расслышала из-за воплей тех, кто сбежался, чтобы на нас посмотреть. Я повернула голову и увидела Морган. Даже она хлопала в ладоши. И Виктория Данкл тоже хлопала, и вид у нее при этом был задумчивый.

И тогда я сделала это. Сделала то, чего хотел от меня Джесси, чего хотел весь спортзал, то единственное, что я действительно могла сделать в такой ситуации. Я рывком вскочила на ноги и врезалась в него сзади так же резко, как он до этого врезался в меня, потом станцевала вокруг него в стиле хип-хоп, при этом все вокруг смотрели на нас и, отбивая такт, хлопали в ладоши. Затем я заставила Джесси развернуться ко мне спиной и принялась шлепать его по попе опять и опять, а он прикусил зубами палец и сделал вид, что стонет.

Вот тогда-то к нам и подбежала директриса Банди и вклинилась между Джесси и мной. Джесси поднял руки, сделав вид, что шокирован ее вторжением и не понимает, с чего это она так взбесилась. Толпа начала на нее шикать. И тут Банди уставилась на меня – злобно и презрительно.

– Прошло целых три года, а ты все никак не уймешься – вечно садишься в лужу, – прошипела директриса.

У меня отвисла челюсть. Это был подлый прием, запрещенный удар, нанесенный тогда, когда я его меньше всего ждала. Пожалуй, он был даже подлее, чем когда директриса набросилась на меня впервые после того, как я перестала участвовать в работе школьной модели Конгресса. И хотя я была теперь значительно старше, практически в двенадцатом классе, я опять внутренне сжалась, как будто все еще оставалась зеленой девятиклассницей. И сейчас точно так же, как в тот первый раз, Банди сразу же развернулась и пошла прочь, прежде чем я смогла хоть что-нибудь ей ответить.

К сожалению, директриса оказалась не единственной, кто отошел от меня в сторону.

Я поискала глазами Джесси, чтобы понять, слышал ли он ее слова, но он, излучая самодовольство, уже шествовал обратно к своим друзьям, которые либо поднимали руки и в знак поздравления хлопали ладонями о его ладонь, либо в изумленном недоумении качали головами.

Оставшись в одиночестве, я провела руками по своему измятому платью. Теперь оно испачкалось еще больше, потому что к все еще влажным кружевам прилипла грязь, покрывавшая пол спортзала. Я подошла к столу, на котором стояли напитки и еда, надеясь найти бутылку газированной минералки или что-нибудь в этом духе, но конечно же ничего такого не нашла. На танцах в старших классах средней школы искусственно газированную минералку не подают.

– Кили!

Элиза и Морган махали руками, зовя меня обратно за наш столик.

Я взяла с общего стола банку сладкой газировки и направилась к ним, все еще цепляясь из последних сил за тот позитивный настрой, с которым я начала этот вечер.

– Это самое безумное ухаживание, которое я когда-либо видела, – сказала Элиза, просматривая на своем телефоне сделанные ею фотки Джесси и меня. – Я даже не знаю, что тебе теперь посоветовать.

Морган поставила локоть на столик и уперлась ладонью в подбородок:

– Но они же просто созданы друг для друга, тебе так не кажется?

– О, да, однозначно! Что бы ты ни делала, Кили, продолжай в том же духе. Это явно работает! – И Элиза продемонстрировала нам фотографию, на которой мы с Джесси танцевали, улыбаясь друг другу на миллион долларов.

– Кили, что с тобой? – спросила Морган. И хотя она сказала это совсем тихо, Элиза оторвала взгляд от своего телефона и посмотрела на меня.

– Ничего, – быстро ответила я и, чтобы они обе думали, что все в порядке, небрежно покрутила рукой. – Просто эта Банди настоящая сука. Да ладно, забейте.

Морган повернула голову, поискала глазами Банди и презрительно скривила рот:

– Тьфу на нее! Забудь. Не бери в голову.

Это был уже второй раз за последние две недели, когда моя лучшая подруга сказала мне эти слова.

* * *

Мы не знали, что на мобильнике Морган включилась громкая связь, когда Уэс, с которым она тогда говорила, попросил ее не приводить меня на вечеринку его друга, потому что я противная, не умею острить и к тому же никто из его друзей все равно не хочет иметь со мною дела.

Мы с Морган переглянулись, потом посмотрели на лежащий на ее кровати телефон. Морган попыталась было его схватить, но я ее опередила.

– Даже Бикер, – продолжал Уэс. Что, возможно, было еще одним оскорблением, хотя Бикера я не знала, так что не смогла бы сказать, что уверена в этом на все сто. – Да пере-

стань дуться, неужели ты не можешь просто сказать ей, что вы с Элизой будете заняты в этот вечер чем-то другим?

По умоляющему тону, которым Уэс сейчас говорил, я поняла, что он просит мою подругу не приводить меня с собой уже не в первый раз.

Морган наконец отключила громкую связь и приложила мобильник к уху.

Я села на пол у кровати и по какой-то непонятной причине начала вещь за вещью аккуратно складывать предметы одежды, которые Морган разбросала по комнате. Наверное, мне не стоило удивляться тому, что Уэс говорит обо мне такие гадости, особенно если учесть то, что случилось несколько ней назад. Но я все равно удивилась.

После этого я слышала лишь часть их дальнейшей беседы.

– Да пошел ты, Уэс, знаешь куда! Ведь она моя лучшая подруга! – И после паузы: – Я же уже сказала тебе, что она это не всерьез. Она просто дразнилась. – Последовала долгая пауза, и Морган продолжила: – Нет. – И потом, после еще более долгой паузы, добавила: – Ну, что ж, если ты настолько не понимаешь шуток... – тут она взглянула на меня и скорчила рожу, как будто Уэс ее уже достал, – тогда ладно, чувак, думаю, нам пора расстаться. – С этими словами Морган отключила связь и отшвырнула телефон в угол.

– Вы с Элизой можете пойти на эту вечеринку без меня, – сказала я после нескольких минут недоуменного молчания. – Мне это без разницы. Этим вы не сделаете мне больно.

И, говоря это, я даже не кривила душой. Потому что еще больнее мне стать уже не могло.

– Забудь. Не бери в голову, – сказала Морган, а потом обняла меня крепко-крепко, как будто хотела окончательно удостовериться в том, что это действительно случилось и что ее разрыв с Уэсом не просто какой-то дурной сон.

* * *

Несмотря на то что в тот первый раз совет Морган мне не помог, я попыталась последовать ему еще раз и сделать именно то, что она мне сказала. Забыть. Не брать в голову. Я продолжала молча сидеть за столиком, пока звучали следующие песни. Тем временем Элиза посылала кому-то сообщения по телефону, а Морган в такт музыке ерзала на стуле.

И вдруг, о чудо, зазвучала песня Купидона «Шафл».

И на танцпол устремились все – и девушки, и ребята. Может быть, потому, что в самих словах этой песни говорилось, как под нее надо танцевать? Точно не знаю, может статься, и так. Как бы то ни было, мы трое присоединились к остальным. И конечно же я начала искать глазами Джесси. Но так его и не увидела.

Я механически танцевала, поворачиваясь, кружась, но мои глаза тем временем продолжали обшаривать зал. Куда же подевался Джесси? Может быть, он вернулся в раздевалку? Я знала, что он ни за что не упустит случая покрасоваться перед остальными.

Когда прозвучало уже полпесни, я подумала, что надо пойти и поискать его.

Я бы покривила душой, если бы сказала, что в моем сердце не было страха. Я уже поняла, что этим вечером у нас в какой-то момент все пошло не так.

Я быстро шла по коридору мимо женского туалета, мимо кабинетов школьных психологов, потом мимо библиотеки, и, заглушаемая шумом дождя, песня Купидона звучала все тише по мере того, как я уходила все дальше и дальше от спортзала. Мои ноги все еще были босы, с подошвами, черными от грязи, и я шагала молча. Никто не услышит моего приближения. Я завернула за угол и заглянула в ту часть коридора, где начиналось крыло естественных и точных наук.

И в противоположном конце коридора увидела Джесси Форда.

С ним была Виктория Данкл.

Она сидела на том самом столе дежурной по коридору, за которым обычно восседала миссис Тризман, объявлявшая родителям, что тот или иной ученик остается на второй год. Виктория сидела немного боком, закинув ногу на ногу, и на ней было лимонное платье с лямкой на шее, простое, хлопчатобумажное, без изысков. Джесси стоял, опираясь руками об углы стола, наклонившись к девушке и что-то ей шепча. Виктория сидела, откинув голову назад, и хихикала.

Я быстро скользнула обратно за угол, прислонилась спиной к ряду шкафчиков для одежды, чтобы не упасть, и прислушалась. Я не могла разобрать, о чем они разговаривают, да и говорил в основном только Джесси. Виктория же просто хихикала.

Я чуть было не рассмеялась. Но потом я опустила глаза, увидела свое испачканное платье, и глаза заволокла пелена слез.

Я вытерла глаза рукой.

Я не плакала в школе. Никогда.

Кто-то положил руку мне на плечо. Наверное, это Морган. Во всяком случае, я надеялась, что это именно она. Мне вдруг вспомнились слова, которые подруга сказала мне утром: «Сегодня вечером ты не должна вести себя так, чтобы смешить Джесси. Тебе надо держаться так, чтобы он тебя поцеловал». О господи, а я взяла и все испортила.

А может быть, это Джесси?

Я не хотела, чтобы он видел, как я плачу. Но может быть, это будет даже хорошо, если он увидит. Тогда он поймет, что он на самом деле мне нравится.

Но разве он может этого не понимать?

Я подняла глаза. Передо мной стоял Ливай Хемрик в мокрых джинсах, пропитанных водой кроссовках и черном дождевике.

– Кили, – сказал он.

Я никогда еще не слышала, чтобы кто-либо произнес мое имя так нежно.

И тут все огни вдруг погасли.

Глава 7. Суббота, 14 мая

ГОВОРIT СИСТЕМА ОПОВЕЩЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ. Из графства Эбердин и городской агломерации Уотерфорд-Сити поступают многочисленные сообщения об аварийных отключениях электропитания из-за сильных ветров. Всем жителям рекомендуется не выходить из домов и избегать передвижения без крайней необходимости.

Несколько секунд мы простояли в темноте. Потом включилось аварийное освещение, и все вернулось на круги своя.

– Не подкрадывайся так к людям! – прошипела я.

Ливай сделал кислую мину и так быстро отдернул руку от моего плеча, словно оно вдруг стало невыносимо горячим.

– Я вовсе не пытался к тебе подкрасться, – сказал он, и тон его был таким же резким, как в тот день, когда наш клуб укладывал на берегу мешки с песком и он услышал, как я обмениваюсь шутками с Джесси. Так мог бы говорить раздраженный моим поведением старший брат. Или отец. – Я просто увидел, как ты стоишь и плачешь посреди коридора.

– О, господи, тише! – Я взглянула туда, где начиналось крыло естественных и точных наук, молясь о том, чтобы Джесси и Виктория этого не услышали. Ливай так и не явился на Весенний бал, или же я его там просто не заметила, потому что не искала. – Что ты тут делаешь?

– Это из-за аварийных отключений электричества. А теперь постой здесь секунду и никуда не уходи, – сурово сказал Ливай и вытянул в мою сторону руку ладонью вперед, словно регулируя движение транспорта.

Задрав голову, он посмотрел на аварийные огни, словно пересчитывая один источник слабого света за другим. Установленные над дверями каждого второго класса, они едва рассеивали тьму и выглядели смехотворно по сравнению с ослепительными вспышками молний, полыхающими снаружи. А некоторые из этих тусклых ламп даже не зажглись.

Ливай был на два или три дюйма выше меня, хороший рост для парня, но до роста Джесси ему было далеко. Он расстегнул молнию своего дождевика, и оказалось, что под ним на нем надета белая тенниска; острые концы ее воротника казались направленными вниз стрелами. Он был пострижен под ноль, и, сколько я Ливая помнила, он всегда носил такую прическу. Я не представляла себе, как бы Ливай выглядел с волосами, были бы они кудрявыми, слегка волнистыми или прямыми. Глаза у него были самые обычные, карие, такие же, как мои, во всяком случае, так мне тогда показалось.

Пройдет еще несколько недель, прежде чем я замечу в них желтые искорки.

Пока Ливай был занят пересчитыванием тусклых аварийных ламп, я воспользовалась моментом и двинулась было туда, откуда пришла, надеясь незаметно, не привлекая ничьего внимания, затеряться в спортзале. Но в это мгновения из-за угла вышли Джесси и Виктория.

– О! – сказал Джесси, глядя мне в глаза. В его голосе я не уловила удивления. Или извиняющихся ноток. Его «О!» прозвучало просто и буднично, как будто он всего лишь произнес шестнадцатую букву алфавита.

Я ответила «Привет» так бодро и жизнерадостно, как только могла. Оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что голос мой вовсе не прозвучал тогда бодро и жизнерадостно. Но я очень старалась.

– Привет, Кили, – смущенно сказала Виктория.

Интересно, Джесси пересказал ей то, в чем призналась ему я? Может быть, они вместе надо мной посмеялись?

Ливай застонал и затряс головой.

– Все должны сейчас же вернуться в спортзал, – объявил он. – Вход в коридоры теперь воспрещен.

Прежде чем направиться обратно в спортзал, Джесси взглянул на меня и, сделав большие глаза, искоса посмотрел на Ливая.

Может быть, он подумал, что застукал меня с Ливаем?

Если он так подумал, станет ли он ревновать?

Я сразу же решила, что нет. Из-за того, что Джесси уже и так думал о Ливае, и из-за того, что помнил все те гадости, которые я наговорила ему про этого парня, когда мы устанавливали мешки с песком на берегу реки.

«Член у него стоит, только когда он зубрит правила. Зуб даю, что он всякий раз дрючит, корня над сборником школьных норм».

Это Джесси и зацепило. Его поразило, что девушка может отколоть такую nepотpeбную шутку. Разве не тогда все и началось? Разве не в этот миг Джесси действительно меня заметил? Сто пудов, что это случилось именно так. И мы так дурачились и веселились всю последнюю неделю, рисуя линии на песке и подначивая друг друга всякий раз через них перескакивать.

Интересно, Джесси вообще планировал меня поцеловать? Или с его стороны это тоже была шутка?

Я убедила себя в том, что никогда не влюблялась, потому что ни разу еще не встретила парня, который бы действительно меня понимал. И Джесси показался мне именно таким человеком. Я была в этом уверена. Вот только Джесси на самом деле крутил роман с красивой девушкой, которая, я в этом уверена на все сто, ни разу нарочно не сделала уродливого селфи и не отчубучила ни одной глупости.

Раньше я думала, что Морган и Элиза владеют какими-то тайными знаниями, позволяющими им влюблять в себя парней. И считала, что мне повезло, что они находятся рядом, желая научить меня всему тоже. Но сейчас все внезапно показалось мне куда более простым. Мне просто надо было делать то, что было прямо противоположно моим естественным побуждениям. Потому что со мной что-то стопудово было не так, если я воображала, что лизать окно машины – это нормальный способ с кем-то пофлиртовать. Или что можно привлечь к себе парня, выдавая скабрзные шутки о мастурбации или признаваясь в любви человеку, которого я по-настоящему знала всего одну неделю.

Когда мы приблизились к открытым дверям спортзала, я увидела сквозь завесу из спускающегося с потолка серпантина мигающие красные и синие огни. У входа в спортзал уже стояли четыре полицейские машины, и на парковку прибывали все новые и новые. Но я не почувствовала ни нервозности, ни страха. Мне просто было тошно от того что сегодня произошло между Джесси и мной.

Отводя в стороны ленты серпантина, к входу в спортзал протиснулась директриса Банди. Она и так уже хмурилась, а заметив меня, вообще стала мрачнее тучи.

– Что это вы, молодежь, тут забыли? Находиться в коридорах запрещено.

Растерянный Ливай попытался все объяснить:

– Я это знал и пошел туда за ребятами лишь затем, чтобы привести их назад.

Я воспользовалась случаем, чтобы незаметно улизнуть, и торопливо прошла к отдельному столику, за которым сидели мои подруги. Народ пытался осветить зал с помощью экранов своих сотовых, размахивая ими, как будто это были бенгальские огни.

Морган ткнула меня локтем в бок:

– Куда это ты ходила? Ты с Джесси?..

Я хотела было отколоть по этому поводу какую-нибудь шутку, но не смогла и только покачала головой.

– Насчет этого не беспокойся, – успокоила меня подруга. – Ночь еще только начинается!

Мой мобильник загудел. Это было сообщение от моей мамы. Я поняла это по его длине. Ее сообщения всегда были самыми длинными из всех, которые я получала.

«Ки, прости, мне так жаль, что я не смогла прийти, чтобы сфотографировать тебя на балу. Энни послала мне несколько фото, и на них ты выглядишь просто красавицей. Тебе весело? Если да, НЕ ТЕРЯЙ ПОПУСТУ ДРАГОЦЕННОГО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ НАПИСАТЬ ОТВЕТ СВОЕЙ БЕДНОЙ СТАРОЙ МАТЕРИ. Но, пожалуйста, напиши мне, когда доберешься этой ночью до дома Морган, чтобы я знала, что ты доехала благополучно. Езжайте осторожно! На дорогах сейчас опасно. Похоже, что эта “буря века” оправдывает поднятый вокруг нее ажиотаж».

Джесси сидел через два столика от нас, подбрасывая в воздух зерна попкорна и ловя их ртом. Он благополучно поймал их все. Рядом с ним сидели две девушки из выпускного класса и вели подсчет. Но Виктории среди них не было.

На стенах плясало все больше и больше синих и красных отблесков по мере того, как к спортзалу подъезжали все новые и новые полицейские машины. Ливай распахнул дверь и впустил внутрь своего отца. Единственное различие между ними, которое бросилось мне в глаза, было то, что шериф Хемрик был в форме, а его сын – нет. Ливай держал дверь открытой, пока в зал гуськом входили также и другие офицеры, и каждый из них, входя, смотрел на него как на старого знакомого и либо кивал ему, либо дружески хлопал его по плечу. Эти полицейские принесли с собой аварийные осветительные приборы, видимо работающие от мощных батареек, и установили их в центре баскетбольной площадки, направив их свет в потолок. Другие офицеры разместились у всех дверей, чтобы не позволить ученикам отправиться бродить по коридорам или выйти на парковку.

Директриса Банди положила на столик свой телефон, направилась прямо к шерифу Хемрику, и они начали о чем-то горячо спорить.

– Как ты думаешь, что происходит? – спросила меня Морган.

Хотя от Ливая я и знала ответ на этот вопрос, я ничего не сказала.

– Сто пудов, где-то упало еще одно дерево, – предположила Элиза. – И вероятно, оборвало еще несколько проводов. – Она с беззаботным видом наклонилась вперед. – Знаете, может быть, нам всем придется здесь заночевать! Так что получится колоссальная совместная ночевка мальчиков и девочек!

Я улыбнулась, но от этой мысли у меня разболелась голова, и кошки заскребли на сердце, когда я представила себе, как Джесси и Виктория опять тайком сбегают вместе в коридор или укладываются, прижавшись друг к другу, на мате на полу спортзала. Что тогда скажут Морган и Элиза?

Несколько минут спустя электричество включилось снова. От внезапного яркого света мы сощурились. После оглушительного хлопка из динамиков аппаратуры диджея вновь грянула громкая музыка. Ученики зааплодировали, а Морган, охнув, положила руку мне на спину, словно приглашая еще станцевать, но директриса быстро положила этому веселью конец, приказав диджею вырубить звук. Выйдя на середину спортзала, она сложила руки рупором и крикнула:

– Из соображений безопасности мы решили завершить сегодняшний Весенний бал до истечения намеченного срока. – Весь зал взорвался шиканьем и неодобрительными криками, но Банди постаралась прекратить эти протесты, примирительно подняв руки. – Те учащиеся, которые прибыли сюда сегодня на машинах, отправятся по домам в сопровождении полицейских на автомобилях, которые помогут им проехать по затопленным дорогам. – Тут рядом с Банди встал Ливай, высоко подняв над головой планшет с прикрепленным к нему листком бумаги. – Остальным просьба подойти к Ливаю Хемрику, внести свои фамилии в этот список, и мы свяжемся с вашими родителями и развезем вас по домам в школьных автобусах.

Поднялся ропот. Никто не испытывал беспокойства из-за разыгравшейся непогоды. Все были просто раздосадованы объявлением о том, что Весенний бал официально завершен, и не хотели расходиться по домам.

Морган увидела кого-то у меня за спиной и понизила голос.

– Тсс... он идет сюда...

И я почувствовала, как она что-то всовывает в руку под столом. Это была жвачка. Морган заговорщически мне подмигнула.

Я не знала, как себя вести. Я просто не могла сказать девчонкам правду, особенно теперь, когда сама точно не знала, что есть правда, а что нет. Так что я засунула пластинку жвачки в рот, достала из сумки телефон и тупо уставилась на экран.

Джесси подошел и наклонился над нашим столиком:

– Зито устраивает у себя дома вечеринку. Вы ведь знаете, где он живет?

Я незаметно проследила глазами за тем, как он обшаривает взглядом наш столик. Морган и Элиза сразу же кивнули, явно радуясь тому, что можно отправиться куда-то еще. Зито был из выпускного класса, но он приглашал к себе и нас. Я слыхала, что у них в гараже имеются два трейлера: один – для его семьи, а другой – для него одного. Наконец внимание Джесси переключилось на меня. Но его взгляд задержался на мне ничуть не дольше, чем на ком-либо другом.

Я лихорадочно пыталась придумать для Морган и Элизы какой-нибудь предлог, который поможет мне объяснить подружкам, почему мне надо сейчас возвращаться домой. Джесси между тем обходил толпу в спортзале и приглашал других старшеклассников отправиться на вечеринку в доме Зито, и пока все полицейские машины сопровождения выстроились в караван, электричество в зале гасло еще дважды, и в конце концов все, похоже, смирились с тем, что пора закругляться. Я была этому рада.

Директриса объявила, чтобы все, кто приехал сам, начали рассаживаться по своим машинам. Элиза попыталась было уговорить Ливая, чтобы он разрешил ей поехать вместе с нами, но он заявил, что правила есть правила и ей придется поехать в школьном автобусе. Я снова обулась в резиновые сапоги и надела пуховик, который оставила на полу в туалете. Дождь по-прежнему лил как из ведра, но выходить из спортзала на парковку было совсем не так весело, как мчаться туда сквозь бурю, не разбирая дороги. Так чувствовали себя все, а не только я.

Джесси все еще был одет в борцовское трико. Свою мокрую одежду он свернул в узел, который нес за торчащую штанину. Двери в спортзал были распахнуты, и парень дрожал от холода. Меня тянуло подойти к нему. Хотя бы для того, чтобы попрощаться. Чтобы соврать, что то, что я заявила ему, когда мы танцевали, было сказано не всерьез, что это конечно же была просто шутка, так что пусть он не берет в голову. Но в душе у меня было так мутно от огорчения, смущения и растерянности, что я так и не решилась подойти к Джесси и заговорить. К тому же он явно и не пытался меня разыскать. И вместо того, чтобы обращать на него внимание, я прошла мимо него, громко беседуя с Морган о какой-то чепухе.

Ливай, одетый в непромокаемую полицейскую накидку, помогал выводить машины с парковки. Когда мы с Морган проезжали мимо, он презрительно зыркнул на меня из-за того, что произошло в коридоре. Я ответила ему таким же уничижительным взглядом.

Наша поездка домой походила на какую-то странную, двигающуюся зигзагами похоронную процессию, в которой машины медленно, выстроившись одна за другой, двигались за патрульным автомобилем, который вел шериф Хемрик. Вдоль дороги стояли другие полицейские машины, чтобы никто случайно не заехал на улицу, поперек которой лежали упавшее дерево или оборванные провода. И на то, чтобы проехать одну-единственную милю, у нас ушло почти полчаса.

Дома у Морган мы переоделись в сухую одежду, подогрели в микроволновке несколько нагос и отнесли их в ее комнату. Пока мы болтали о том, как провели время, я то и дело погля-

дывала на свой телефон, желая проверить, не написал ли мне Джесси, чтобы удостовериться, что со мной все в порядке.

Но он ничего не написал.

Я думала, Морган уже спит, но, полежав немного молча, она вдруг повернулась ко мне и сжала меня в объятиях.

– Ты была права, – сказала она. – Сегодняшняя вечеринка – это как раз то, что мне было нужно. Кажется, я за весь этот вечер ни разу не вспомнила об Уэсе.

Я тоже крепко ее обняла.

Слава богу, что они с Уэсом так и не помирились. Слава богу, что Уэс не услышит от Морган рассказа о том, что случилось на Весеннем балу. И не сможет сказать, что теперь всем стало ясно: говоря обо мне все эти ужасные вещи, он был прав.

Между тем Морган продолжала:

– И не расстраивайся из-за того, что сегодня вечером тебе так и не удалось поцеловаться с Джесси. Во всем виновата эта чертова буря. Она все испортила. Сто пудов. Но ничего, тебе еще представится случай.

Я вздохнула:

– Я уже ни в чем не уверена.

– Что? Почему? – удивилась подруга.

– Потому что сегодня все так запуталось. Между Джесси и мной. – Мне ужасно хотелось рассказать Морган все начистоту.

– Кили, что между вами стряслось? Ведь все у вас было просто супер!

Мне стало тошно от разочарования, прозвучавшего в голосе Морган.

И тут я поняла, что, если бы Морган и Элиза не провели о том, что я переписываюсь по сотовому с Джесси, я бы не позволила себе вообразить, что я и правда ему интересна, интересна такая, какая есть. Они обе подзуживали меня, подталкивали меня к Джесси. Особенно Морган. Зачем? Неужели она действительно думала, что у нас с ним все получится? Или просто старалась меня завести, отомстив за то, что сама расплевалась с Уэсом?

Меня вдруг прорвало:

– У него случился стояк, когда он прижимался ко мне сзади, и это совершенно выбило меня из колеи.

Морган взвизгнула и стукнула меня своей подушкой:

– Вот жешь!

– Я пошутила! – засмеялась я. – Пошутила!

Мне так хотелось, чтобы подруга закидала меня вопросами и все-таки вырвала из меня правду. Если бы она это сделала, я бы стопудово рассказала ей, как все произошло на самом деле. Ведь она, в конце концов, была моей лучшей подругой. Но Морган оказалось достаточно моей шутки, чтобы удостовериться, что у меня все путем, и она сразу же заснула. Жаль, что этой так называемой шутки оказалось недостаточно для меня, и я всю ночь провела без сна.

Глава 8. Воскресенье, 15 мая

ГОВОРИТ СИСТЕМА ОПОВЕЩЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ. С настоящего момента действует предупреждение о паводке в графстве Эбердин и городской агломерации Уотерфорд-Сити. Также действует предупреждение о сильной грозе. На протяжении следующего дня и всей ночи ожидаются шквалистые ветры. Самые интенсивные дожди начнутся вечером в воскресенье. Ожидается, что угроза затопления низменных участков у берегов реки будет сохраняться до послеполуденных часов понедельника.

Настало утро, и мой самый худший кошмар сбылся: Джесси не прислал мне ни одного сообщения. Ни единого слова объяснения, никакого намека на оливковую ветвь. Ни единой шутки, или фотки, или видеоролика, на котором изображалось бы, как он делает что-нибудь смешное, вроде того десятисекундного ролика, который он скинул мне в четверг и на котором он сидел, засунув себе в рот целую порцию пиццы из пиццерии «Минео», и улыбался, раздувая щеки, как бурундук, и приветственно помахивая мне рукой. Ясное дело, я прошляпила свой шанс – если он вообще у меня когда-то был – поцеловать его. А заодно стопудово разрушила и всю нашу дружбу.

Я просмотрела этот видеоролик с пиццей, накрывшись с головой одеялом и выключив звук, пока Морган спала, а потом еще раз уже с включенным звуком, когда она выходила в ванную. А утром я села на край ванны и просмотрела видеоролик еще три раза, прежде чем принять душ. И каждый раз, когда я видела, как Джесси приветственно машет мне рукой, мне хотелось плакать.

Когда я вышла из душа, Морган в комнате уже не было. Ничего необычного в этом не было, потому что по воскресеньям у нее всегда находилась куча дел, ведь к миссис Дорси валом валили клиентки. Женщины из нашего города шли к ней вереницей весь день, и мы с Морган спускались к ней в салон примерно раз в час, чтобы помочь. Морган подметала с пола состриженные волосы и готовила свежий кофе, а я загружала в стиральную машину груды полотенец и следила за тем, чтобы во флаконах всегда был шампунь.

Но когда я спустилась на первый этаж в это утро, там было непривычно тихо и пусто. В общей комнате не было видно женщин, которые обычно сидели здесь в креслах и листали глянцевого журналы, ожидая, когда миссис Дорси позовет их в салон на стрижку или укладку. Огни в переоборудованной в салон красоты столовой были выключены, щетки и расчески лежали без дела, накидки, защищавшие одежду клиенток во время стрижки и окраски волос, праздно висели на стенных крючках, а корзина для использованных полотенец пустовала.

Я услышала доносящийся из кухни смех.

Морган с матерью сидели за кухонным столом, и Морган, все еще одетая в пижаму, вяло грызла бублик, намазанный сливочным сыром. На миссис Дорси были черные джинсы и облегающий черный свитер, но на ногах ее красовались домашние тапки, а не туфли без каблучков, которые она обычно надевала во время работы. Она ничего не ела, а только мелкими глотками пила кофе.

Поставив кружку на стол, миссис Дорси улыбнулась:

– Доброе утро, Кили. Вот, пытаюсь прийти в себя после вчерашнего вечера. Хочешь, я поджарю тебе замороженный бублик?

– Да, спасибо. – Я села за стол. – У вас что, сегодня закрыто?

Миссис Дорси положила в тостер еще один бублик, но как только она нажала на рычаг, свет на кухне погас.

– Что, опять? – жалобно простонала она. – За это утро он гаснет уже четвертый раз! Я уже обзвонила всех клиенток, записанных на утреннее время, и все отменила, потому что электричество все время то врубают, то вырубает.

– Вот, бери, – сказала Морган, придвигая ко мне тарелку с недоеденной половиной своего бублика.

– Морган, пожалуйста, принеси мне мою книгу записей. Я попытаюсь переписать всех остальных клиенток на другое время. – Морган встала из-за стола, и миссис Дорси, обращаясь ко мне, сказала: – У меня не было ни одного свободного воскресенья уж не знаю с каких пор! Давай-ка я сейчас позвоню твоей матери и спрошу, как у нее дела. – Она вдруг просияла. – Устроим тут девичник в пижамах, может, даже посмотрим какое-нибудь кино, если, конечно, опять не вырубят электричество. – И подмигнула мне: – Не можем же мы допустить, чтобы веселились только наши дети.

– Думаю, она сейчас работает, – вздохнула я.

– Опять? – удивилась миссис Дорси. – Но она же работала вчера. Из-за этого она и не смогла прийти на Весенний бал, чтобы тебя сфотографировать. Ну, скажи, когда она последний раз брала выходной?

Я пожала плечами:

– Давно. – Последовала неловкая пауза, которую я попыталась заполнить: – Она была так рада, когда вы скинули ей наши фотографии с бала. Кстати, вы послали ей ту фотку, на которой мы с Морган позируем так же, как на снимке в вашем семейном альбоме? Она ее узнала?

Миссис Дорси кивнула, и улыбка ее несколько поблекла. – Конечно, узнала. Сразу же.

* * *

Когда электричество отключилось в следующий раз, Морган сказала, что, наверное, лучше съесть сейчас мороженое из морозилки, пока оно не растаяло. Эта реплика означала, что спуститься на кухню и принести его должна я. Дело в том, что Морган становилась полной дурой, когда речь заходила о том, чтобы наскоро перекусить. Если бы честь идти на кухню выпала ей, она бы схватила первое, что попадется под руку: пачку крекеров или полупустой пакет чипсов, – и стопудово не принесла бы ни вазы, ни салфеток. В то время как я любила всякий раз делать из приготовления закусок и подачи их на стол целое шоу – нарезала идеальными кубиками чеддер, купленный в фирменном магазине, торгующем традиционными продуктами старого Юга, выгребая ложкой из пластиковой банки луковый соус-пюре, выкладывала его в большую глиняную кружку, собственноручно растапливала сливочное масло, поливала им приготовленный в микроволновке попкорн, и наливала в стаканы газировку не иначе, как доверху наполнив их сначала кубиками льда. В общем, в моем случае много старания и умение показать товар лицом могли творить чудеса.

Морган же занималась организацией развлекательной программы. Именно она контролировала пульт дистанционного управления, на ней же лежала миссия выбора телевизионных каналов и креативного контента. Мне больше всего нравилось, когда она выбирала особую тему для дисков, которые мы будем сегодня смотреть, например Фильмы с Сексуальными Парнями, Которые Играют на Гитарах, или Фильмы о Девушках, Которые Путешествуют во Времени.

Именно так мы обычно проводили вечера, когда я оставалась в их доме на ночь до того, как Морган начала интересоваться мальчиками, и до того, как к нам присоединилась Элиза. Но сегодня мы вернулись к нашим старым забавам, может быть, потому, что на улице по-прежнему, не переставая, лил дождь и выезжать из дома было небезопасно. После того как в доме в очередной раз вырубилось электричество, мы как раз успели досмотреть до середины второй фильм из тематического раздела про ведьм, но поскольку аккумулятор в ноутбуке Морган был

почти разряжен, я поспешила вниз, на кухню, и достала из сушки две большие одинаковые глиняные вазочки для мороженого.

Оно к этому времени уже немного размягчилось, так что делать из него шарики было легко. Я густо полила его сверху шоколадным сиропом и посыпала толченым арахисом, потом добавила сверху по солидной порции взбитых подслащенных сливок. В двери холодильника я заметила стеклянную баночку засахаренных вишен в ликере, и поскольку вишенка в ней осталась только одна, я разделила ее пополам и украсила этими половинками верх мороженого в каждой из вазочек.

Я подумала было о том, чтобы снять для Джесси видеоролик, на котором я наполняю рот взбитыми сливками из бачка с аэрозолем и слизываю их с губ. Это было бы забавно, но, с другой стороны, он мог подумать, что я с ним опять флиртую. Нет, таким образом я до него не достучусь. Особенно теперь, после того как надолго замолчал. Особенно если я ему не нравлюсь... или нравлюсь, но совсем не в том смысле... Тогда я покажусь ему просто жалкой. Я представила себе, как он смотрит этот видеоролик вместе с Викторией и они смеются над тем, какая я бестолочь и лохушка.

Когда я проходила через гостиную, электропитание врубилось опять. Миссис Дорси спала на тахте и не проснулась, даже когда телевизор включился на канале, передающем погоду. Я стояла, держа в зябнувших руках холодные вазочки с мороженым, и смотрела на нижнюю бегущую строку на экране телевизора, которая тревожными красными цифрами показывала, сколько часов, минут и секунд уже льет дождь.

Над этой бегущей строкой шли кадры того, что творилось в эти минуты в Уотерфорд-Сити. Дома, стоящие в прибрежной части города, были затоплены до пола первых этажей, поперек входов в красивые офисные здания из стекла и бетона были навалены мешки с песком, и все люди: женщины в шикарных платьях и мужчины в деловых костюмах и галстуках – с трудом пробирались по улицам, затопленным водой. Поперек входов на железнодорожные станции, как пассажирские, так и грузовые, было натянуто предупредительное ленточное ограждение. Показали и аэропорт, полный застрявших в нем пассажиров, рейсы которых были отложены или отменены.

Потом включили прямую передачу из Эбердина и показали, как сейчас выглядит река. На прошлой неделе, когда мы укладывали вдоль нее мешки с песком, от них до кромки берегов оставалось расстояние, которое тогда казалось нам всем почти до нелепости огромным, непреодолимым, теперь же через верхушки наших мешков волнами перехлестывала вода.

Мой телефон остался наверху. Мне захотелось немедленно схватить его и связаться с моими мамой и папой, чтобы удостовериться, что с ними все в порядке. Но главным образом я заторопилась из гостиной прочь потому, что передаваемые по телевизору новости вгоняли меня в еще большую тоску, чем та, которую я и без того уже чувствовала, а наше с Морган мороженое в вазочках постепенно превращалось просто в холодный суп.

* * *

По воскресеньям в церкви Святой Анны всегда служили мессу в 4.30 пополудни, после чего там устраивали ужин, а затем собрание молодежи. В эти дни я обычно проводила в доме Морган весь день, а потом они с матерью высаживали меня возле моего дома по пути за город, на церковную службу. Весь день мы бездельничали и развлекались, но около трех Морган уже начинала готовиться. Я знала, что она воспринимает эти походы в церковь серьезно, и всегда напоминала себе об этом, когда, готовясь к службе, подруга разговаривала по телефону с Элизой, а меня игнорировала, потому что одновременно причесывала волосы или накладывала на лицо макияж. Уезжая из дома в церковь, она всегда куда больше принаряжалась и прихорашивалась, чем отправляясь в школу. Если у меня в таких случаях был при себе рюкзак с учеб-

никами, я старалась доделать уроки, но сегодня его у меня не было, так что я просто собрала свои вещи.

Я решила оставить платье, купленное мне для Весеннего бала в доме Морган, поскольку знала, что мама расстроится, если узнает, что оно испорчено. Если я не сумею найти химчистку, которая сможет привести его в порядок, я куплю себе другое такое же, чтобы мама никогда так и не узнала, что платье, купленное для меня ею, угроблено. Я потрачу на это деньги, которые заработала, вкалывая летом. Правда, предполагалось, что эти деньги я отложу на колледж, но я просто обязана буду купить себе дубликат того платья, иначе меня замучает чувство вины.

Затем, поскольку Морган все еще болтала по телефону, я медленно спустилась на первый этаж.

Миссис Дорси пристально смотрела в окно кухни, разглядывая растущий чуть поодаль огромный дуб.

– Я все время твержу себе, что надо бы его спилить, – задумчиво проговорила она. – Как ты думаешь, он раскачивается слишком сильно, больше, чем следует?

Я подошла к ней и встала рядом:

– По-моему, нет.

Несмотря на то что в церкви всем прихожанам подадут ужин, миссис Дорси готовила сейчас любимое блюдо моей мамы – запеченные макароны «зити». Две порции этого кушанья, предназначенные для нее и Морган, она поставила в свой холодильник, а все остальное велела мне отнести домой:

– Так твоей маме не придется ничего готовить на ужин, и нынче вечером она наконец сможет отдохнуть. Но не давай ей ни кусочка, пока она не пообещает, что целый вечер проведет, лежа на диване и положив ноги на подушку.

Наконец в кухню спустилась Морган. На ней была блузка с рукавами-крылышками, надетая под темно-синий джемпер, к которому хорошо подходили ее зеленые резиновые сапоги и кремовые гольфы. На голове – упругие локоны, Морган завила волосы, использовав электробигуди. Рядом с ней я чувствовала себя как ее младшая сестра, все еще в куртке от пижамы, без макияжа. Я заправила свои спортивные штаны в резиновые сапоги.

Потом мы трое сели в машину, и миссис Дорси повезла меня домой.

Хотя с неба по-прежнему лило, некоторые люди, одетые в дождевики и резиновые сапоги, готовили свои дома к приходу паводка, укладывая вокруг своих жилищ мешки с песком. Вдоль краев улиц мчались потоки воды, похожие на реки, так что нам пришлось ехать по самой середине дороги. Асфальт здесь был усыпан обломками ветвей и кусочками коры, как каким-то древесным конфетти.

Я подалась вперед к пассажирскому сиденью, на котором сидела Морган:

– Мы так и не сходили на школьную парковку, чтобы поискать твою босоножку.

– Забей, – махнула рукой подруга. – Я все равно никогда их не ношу.

– А, ну тогда ладно.

Однако мне стало не по себе при мысли, что эта босоножка так и останется валяться там. Мне не хотелось увидеть ее утром в понедельник, когда мы опять приедем в школу. Это бы напомнило мне о Джесси и о том, что все у нас с ним пошло наперекосяк.

Морган повернулась ко мне и искоса на меня посмотрела:

– Почему ты сегодня такая грустная? Джесси что, ничего тебе сегодня не написал?

Я ушла от ответа:

– Я теперь уже не знаю, нравится ли он мне еще или нет.

В этом, подумала я, и будет состоять мой великий план.

Откреститься от Джесси. Убедить Морган, что это мое решение, а не его.

– Что ты такое говоришь? – воскликнула подружка. – Заткнись сейчас же! Он тебе нравится, и точка!

– По правде говоря, Джесси совсем не такой классный и забавный, как я думала до того, как узнала его ближе.

Морган развернулась и посмотрела мне в лицо:

– Может быть, ты говоришь так из-за того, что тогда наговорил о тебе Уэс? Потому что, если причина в этом, я хочу, чтобы ты прекратила это сейчас же.

Глаза миссис Дорси отыскиали меня в зеркале заднего вида.

Я знала, что Морган говорит со своей матерью обо всем, но мне почему-то казалось, что эта история со мной и Уэсом – запретная тема. Но если миссис Дорси знает, что наговорил обо мне Уэс, может быть, она знает и то, что я ему сделала и что так его взбесило? От ужаса у меня свело живот.

– Нет, я просто хочу сказать, что...

– Вот и умница! Потому что для тебя я даже представить себе не могу более идеального бойфренда.

Я тоже, подумала я, и от этого мне стало совсем тошно.

* * *

Идя по тропинке к нашему дому, я заметила, что занавеска на выходящем на фасад окне отдернута. Мама посмотрела мне в глаза и улыбнулась. Сейчас она захочет поговорить со мной о бале и о том, как все пришли в восторг от моего платья. Захочет посмотреть мои фотографии. И тут я поняла, что снимала себя, только пока сидела в машине Морган, потому что после того, как Джесси станцевал со мной под дождем, я стала выглядеть как полнейшая лохушка. Мне не хотелось говорить маме неправду, поэтому я планировала просто подняться к себе в спальню так быстро, как только смогу.

Едва войдя в дом, я начала слой за слоем стаскивать с себя свою промокшую одежду.

Мама сидела на диване, что-то печатая двумя пальцами на своем ноутбуке. Она умела печатать только так, старомодно и неумело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.